

An illustration of a Viking longship with a dragon-headed prow, sailing on a choppy sea. Several Vikings are on board, some in the foreground and others further back. The ship has a large green sail. The scene is set against a cloudy sky.

ASSASSIN'S CREED

ВАЛГАЛЛА

САГА О ГЕЙРМУННЕ

МЭТЬЮ ДЖ. КИРБИ

Мэтью Дж. Кирби
Assassin's Creed. Валгалла:
Сага о Гейрмунне
Серия «Assassin's Creed»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63961011

Assassin's Creed. Валгалла : Сага о Гейрмунне : роман / Мэтью Дж.

Кирби: 2021

ISBN 978-5-389-19256-0

Аннотация

Девятый век. Нравы у народов Скандинавии просты и суровы, под стать северной природе. Набеги на богатые земли – вполне достойное занятие, воспеваемое скальдами, и мальчишки мечтают повторить разбойничьи «подвиги» отцов и дедов. Сын конунга Хьёра, семнадцатилетний Гейрмунн, прозванный Адской Шкурой за смуглую кожу, тоже мечтает о добыче и славе. На родине его ждет участь младшего сына – быть на вторых ролях. И когда в доме его отца появляется датский ярл, зовущий Хьёра на завоевание Англии, юноша усматривает в этом свой шанс. Но как быть с тем, что кузнец Вёлунд из подводного царства, а затем и вёльва-предсказательница предрекли ему горечь предательства и позор капитуляции? *Впервые на русском!*

Содержание

Часть первая	4
1	4
2	18
3	31
4	50
5	66
6	87
Часть вторая	106
7	106
8	124
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Мэтью Дж. Кирби

Assassin's Creed. Валгалла:

Сага о Гейрмунне

Часть первая

Простой нож

1

Волки появились, едва благородный олень упал. «Сколько же эти твари выслеживали нас?» – подумал Гейрмунн. Пущенная братом стрела застряла у оленя в боку. Раненое животное с ревом помчалось прочь, оставляя кровавый след. Погоня продолжалась довольно долго, пока олень не растянулся наконец на раннем снегу и не испустил дух. Его предсмертные крики и запах крови разнеслись по окрестным долинам и холмам. Для волчьей стаи они были сродни зову боевого рога для воинов.

– Сколько их там? – спросил Хамунн.

Гейрмунн всматривался в лес, успевший подернуться сумеречной дымкой. Быстро темнело. Равнинные дубовые ро-

щи, просматриваемые насквозь, давно сменились густым горным лесом, где могли скрываться любые хищники. Молчаливые стволы сосен и берез тонули во мгле, чем-то похожие на столбы усадебного дома, в который Гейрмунна с братом никто не приглашал. В этом доме не пылает очаг, не горят светильники из мыльного камня. Если у него есть хозяин – тролль или дух, – он не возьмет братьев под защиту.

– Я насчитал пятерых, – не дождавшись ответа, сообщил Хамунн.

И это лишь те волки, что захотели показаться. Гейрмунн выхватил меч, взяв в другую руку топор.

– А в лесу может прятаться вдвое больше.

– Прятаться? – хмуро переспросил Хамунн. – Тебя послушать, волки смекалисты, как разбойничья шайка.

– В каком-то смысле так и есть, – ответил Гейрмунн.

Он заметил вожака стаи – волчицу. Волчица словно нарочно выбралась на открытое место, желая заглянуть ему в глаза и убедиться, что ей все известно о нем и его брате. Шерсть на загривке стояла дыбом, шкура была цвета сплавного дерева. Волчица была велика, однако в ее стае имелись волки и покрупнее. Значит, ее правление основывалось не только на силе.

– Пусть эти волки и не плавают на ладьях, но они не уступают викингам.

Хамунн продолжал ухмыляться.

– Ты еще скажи, что они попытаются взять нас в клещи.

– Непременно попытаются.

Видя презрительную усмешку брата, Гейрмунн не выдержал:

– Если бы ты поменьше наливался элем и вместе с отцом поменьше поддакивал ярлам, то знал бы охотничьи повадки волков.

Хамунн перестал смеяться, но ничего не сказал. Гейрмунн знал почему. Какими бы правдивыми ни были его слова, старший брат-близнец спросит с него за оскорбление. Но не сейчас, ибо сейчас им грозит опасность. Часть волков приблизились к братьям на несколько шагов. Звери шли, пригнув головы, кривя губы и угрюмо рыча.

– Им нужен олень, – сказал Хамунн. – Пожалуй, стоит отдать добычу.

Гейрмунн посмотрел на убитого оленя – молодого самца, не успевшего побороться за стадо самок. Невзирая на раннюю зиму, олень еще не сбросил рога – крупные, пригодные для полезных поделок. Гладкая красная шкура не утратила шелковистого блеска. Да и мясо наверняка вкусное и сытное.

– И ты отдашь? – спросил Гейрмунн.

– А ты готов помереть из-за оленя, когда наши кладовые ломятся от мяса?

Гейрмунн призадумался. От усадебного дома в Авальс-снесе братьев отделяли три дня пути. Их первоначальное желание немного поохотиться на мелкую дичь быстро сменилось более честолюбивыми замыслами. Однако крупная

дичь в их местах попадалась редко, и братья отправились вдоль Олфьорда на северо-восток, после чего углубились в холмистую местность, что простиралась к юго-западу от селения Олунн, близ границы с Хордаланном. Но до селения – их единственного прибежища, если охота окажется неудачной, – было больше дня пути. Ветер не доносил до ноздрей Гейрмунна запаха дыма очагов. Только аромат деревьев и терпкий запах мокрой земли под снегом.

– Мы забрались сюда потому, что тебе захотелось добыть крупного оленя, – напомнил брату Гейрмунн.

– Но только не ценой моей жизни. Или твоей.

Гейрмунн был склонен согласиться с братом, но в этот миг вдруг снова появилась предводительница стаи: холодная и молчаливая, словно туман, наползающий со стороны Нифльхейма. Она подошла ближе, чем остальные волки. Потом так же быстро волчица скрылась из виду. Но Гейрмунн успел заметить в желтых глазах угли Муспельхейма¹, пламенное бесстрашие и голод не только к оленьему мясу. Волчица была знакома с двуногими охотниками и сама охотилась на них. Гейрмунн почувствовал безжалостную ненависть хищницы к двум людям, посмевшим вторгнуться в ее горы и лесные владения.

Однако здешние горы вовсе не принадлежали волчице, равно как и олень не был ее добычей, и ей надо это показать.

---

¹ *Муспельхейм* – согласно германо-скандинавской мифологии, один из девяти миров, Огненная земля. (Здесь и далее примечания переводчика.)

– Если мы убежим, они нас выследят и на ночлеге вцепятся в горло, – сказал Гейрмунн.

– Да брось ты, – отмахнулся Хамунн, но его слова звучали неубедительно.

– Могу побиться об заклад, что жители Олунна хорошо знакомы с этой волчицей.

– Если и так, то что?

Гейрмунн повернулся к брату.

– Они из Ругаланна и верны нашему отцу, – хмуро напомнил он. – А ты в один прекрасный день станешь их конунгом.

В ответ на упрек Хамунн выпрямился во весь рост. Гейрмунн поспешно замолчал, не став говорить брату, что сейчас на кон поставлена его честь и решается его судьба.

– Давай, брат. – Гейрмунн улыбнулся и вскинул руки, сжимавшие меч и топор. – Хочешь сразаться? Или предпочтешь договориться, предложив им оленя? – спросил он, кивнув в сторону волков. – Они с радостью предложат условия, да только не в нашу пользу.

Хамунн быстро снял со спины лук.

– Можешь удивляться, брат, но в странствиях я кое-чему научился. – Он вытянул из колчана стрелу и вложил в лук. – Например, я узнал, что с морем невозможно договориться, какие дары ему ни предлагай. Не надо быть охотником, чтобы понять: то же применимо и к волкам.

– Целься точнее, чем целился в оленя, – попросил Гейрмунн.

– Тогда отгоняй их от меня, чтобы не мешали.

Гейрмунн встал спиной к Хамунну. Братья широко расставили ноги и приготовились к бою. Волки начали ходить кругами, выискивая слабые места в обороне людей. Из волчьих пастей валил густой пар, растворяясь в воздухе. За это время заметно стемнело, что давало хищникам дополнительные преимущества.

Наконец двое волков с разных сторон бросились на людей. Гейрмунн услышал гнусавое пение тетивы, быстро сменившееся визгом. Пригнувшись, он взмахнул мечом. Волк метил в его левую руку, державшую топор. Гейрмунн взмахнул топором, ударив волка по левой передней лапе. Зверь отступил, хромя. Окровавленная лапа держалась на тонкой полоске кожи.

Гейрмунн обернулся через плечо. Волк, убитый братом, лежал, уткнувшись мордой в снег. Стрела вонзилась в него между шеей и плечом. Меткий выстрел. Смерть наступила мгновенно.

– Отлично, брат, – похвалил Гейрмунн.

– Что с твоим?

– Отвоевался. Но нам...

К ним устремилось четверо волков. Еще трое или четверо ходили кругами, готовые прийти на подмогу сородичам. Хамунн выпустил стрелу и тут же потянулся за другой. В это время Гейрмунн замахнулся топором, метя в голову первому волку, готовившемуся атаковать брата. Хамунн выстрелил,

но не совсем удачно. Раненый волк откатился назад, кое-как встал на лапы и снова упал. Тот, кого ударил Гейрмунн, тоже откатился и замер на снегу.

– Сзади! – крикнул Хамунн, натягивая лук.

Гейрмунн пригнулся, и сейчас же над ним просвистела стрела. Вслед за глухим ударом послышался визг, но Гейрмунну было некогда оборачиваться и смотреть. На него прыгнул четвертый волк. Гейрмунн не успел взмахнуть ни мечом, ни топором. Волк придавил его собой. Защелкали волчьи зубы. В ноздри ударило зловонное волчье дыхание. Гейрмунн выставил правую руку, прикрывая горло, и волк сейчас же ее схватил. Зубы впились в плоть, прокусив кожаную и шерстяную одежду, а затем и кожу. Такие зубы способны перекусить кость.

Гейрмунн выпучил глаза и оглушительно заорал в волчьи уши. То же сделал и Хамунн. И вдруг волк дернулся и отпустил руку Гейрмунна. Зверь проковылял несколько шагов, цепляясь лапой за стрелу, торчащую из глаза. Хамунн бил вблизи, вонзив стрелу, как кинжал, а потому стрела не проникла в мозг и не убила волка наповал. Не сводя с волка взгляда, Хамунн выхватил другую стрелу и добил противника.

Раньше, чем Гейрмунн поднялся на ноги, к братьям, увидев узкую брешь в обороне, кинулся пятый волк. Скользя по снегу, оставляя кровавые следы, Гейрмунн кое-как встал, но не успел помочь брату. Волк вылетел на Хамунна, впился в

правую руку и опрокинул на землю.

– Нет! – закричал Гейрмунн.

Он не мог дотянуться до меча и потому бросился на волка с топором, держа топорище обеими руками. Ударив зверя по спине, Гейрмунн перерубил волку позвоночник. Волк взвыл и попытался убежать, волоча ставшие бесполезными задние лапы. Гейрмунн быстро оборвал его мучения и повернулся, готовый отразить новое нападение.

Но на братьев больше никто не нападал. Неожиданно для них битва с волками окончилась. Стая попросту исчезла – возможно, только на время, – бросив убитых и раненых сородичей. Подобрал с земли меч, Гейрмунн добил двоих волков, что еще корчились в судорогах и скулили от боли. Тогда-то он и заметил волка с почти отсеченной передней лапой – последнего, кто атаковал Хамунна. Даже страшная рана не помешала волку с еще большей свирепостью снова броситься в бой. А может, волк знал, что обречен, и решил встретить судьбу с оскаленной пастью. То и другое Гейрмунн счел проявлением доблести. Он опустился перед волком на колени, испытывая неподдельное восхищение, которое незаметно сменилось сожалением.

– Они ушли, – сказал Хамунн.

В словах брата ощущался вопрос.

Гейрмунн кивнул.

– Они вернутся?

– Непременно, – ответил Гейрмунн. – Но не сегодня.

– Как твоя рука?

– Покалечена.

Гейрмунн посмотрел на раненую руку и заметил что-то белесое, торчащее из рваного, окровавленного рукава. Поначалу он принял это за обломок кости, но вскоре понял, что ошибся. Это был всего лишь волчий зуб. Гейрмунн вытащил и подержал на ладони белый волчий клык с окровавленным корнем.

– Я буду жить, – сказал он и повернулся к пристально глядящему на него Хамунну.

Глаза брата еще сверкали угасающим неистовством битвы. Но на боку Хамунна расплывалось кровавое пятно.

– А ты? – спросил Гейрмунн.

Хамунн перевел взгляд с руки брата на свой бок.

– Я тоже буду жить. Кровь всегда усугубляет истинное положение вещей.

– Ты уверен?

Хамунн сглотнул ком в горле и кивнул, затем обвел взглядом поле битвы.

Другой рукой Гейрмунн коснулся волчьей туши, вдавив пальцы в густую шерсть. Под нею скрывалось отощавшее тело с выступающими ребрами.

– Эта стая сильно оголодала, – сказал он. – Уже и зубы шатаются.

Напавшие волки не были кровожадными, злобными или мстительными. Стая дошла до отчаяния. Однако Гейрмунн

знал: это ничего не меняет. Он зажал в кулаке волчий зуб. Даже если вызов и гнев в глазах предводительницы стаи ему привиделись, земли Ругаланна оскудели добычей и не могли прокормить каждое брюхо. Бой и смерть были неминуемы.

Гейрмунн встал:

– Надо устроить привал. Развести костер, промыть раны и содрать шкуры со зверей. Утром двинемся в обратный путь.

Хамунн рассеянно кивнул. Солнце уже почти зашло. Последние светлые минуты братья потратили на расчистку места под костер и ночлег и рубку сухостоя. Гейрмунн подтащил волчьи туши к костровой яме. Хамунн взялся развести огонь и достал затейливо украшенное кресало, привезенное из совместного с отцом путешествия на восток, в финские земли. На сверкающей бронзовой рукоятке кресала были вырезаны фигуры двух всадников, мчащихся друг на друга. Но при всей внешней красоте кресало брата не давало таких искр, как простое стальное кресало Гейрмунна. Хамунн делал попытку за попыткой. Его удары кремнем были слабыми и бесполезными. Гейрмунн уже хотел вмешаться, когда над трутом появились струйки дыма. Хамунн медленно встал. Судя по всему, ноги плохо его держали.

– Ты неважно выглядишь, – сказал брату Гейрмунн.

Хамунн кивнул.

– Мне что-то... – Он не договорил.

– Садись. Сейчас осмотрю твою...

Словно рогожный куль, Хамунн повалился на землю.

Гейрмунн подбежал к нему.

– Посмотри на меня, – потребовал он, похлопывая брата по бледной щеке. – Посмотри на меня!

Но глаза Хамунна тупо вращались под полузакрытыми веками.

Гейрмунн ощупал одежду на раненом боку брата: мокрую и отяжелевшую от крови. Тогда он ножом разрезал слой за слоем и обнаружил глубокую рану чуть ниже подмышки, откуда лилась кровь. Покусывая губы, Гейрмунн смотрел на рану, затем поспешил к костру. Он сунул лезвие топора в разгорающийся огонь и наполнил снегом чашу из мыльного камня. Чашу он оставил возле костра – греть талую воду, а сам вернулся к брату и, как мог, попытался остановить кровь, зажав рану ладонями.

– Ну и дурень ты, Хамунн, – прошептал он.

Вода быстро согрелась. Гейрмунн плеснул из чаши на рану, промывая ее. Потом вынул из огня топор и проверил, хорошо ли нагрелось лезвие, бросив на металл горсть снега. Снег зашипел и мигом испарился.

– Не знаю, слышишь ли меня сейчас, – сказал Гейрмунн, вставая над братом. – Но крепись, братец. Будет больно.

Он нагнулся, поднял руку брата, полностью обнажая раненое место, и плашмя приложил лезвие топора к ране. Хамунн застонал, но не вздрогнул, когда горячий металл обжег плоть. Над раной взвился дымок. Запахло паленым мясом. Гейрмунн чуть не задохнулся, хорошо зная, чем вызван

душливый запах.

Немного обождав, Гейрмунн отвел топор, успевший слегка прилипнуть к коже брата. Он облегченно вздохнул, увидев, что жуткая рана перестала кровоточить. Оставалось надеяться, что кровь не хлынет внутрь – в живот и под ребра Хамунна. Случись такое, он уже не сможет помочь брату. Гейрмунн свернул полотняный лоскут, вылил туда остатки медовухи из бурдюка и приложил к ране, а чтобы лоскут не сполз и медовуха впиталась в рану, привязал руку Хамунна к боку.

– Теперь надо думать, как вытаскивать тебя отсюда, – сказал Гейрмунн, разглядывая туши убитых волков.

Он выбрал двух самых крупных зверей, среди которых был и волк с полуотсеченной лапой, и содрал с них шкуру. Делал он это старательно, но быстро, применяясь к походным условиям. Дома он бы обязательно располосовал волкам животы и лапы, чтобы распластать куски шкур. Но для нынешнего замысла шкуры ему требовались целиком, что требовало времени, усидчивости и силы. Гейрмунн начал с лап, делая короткие надрезы, после чего принялся отделять шкуру от туши, будто снимал с ног задубевшие, сморщенные кожаные чулки. Порою приходилось наваливаться всем телом, чтобы дернуть шкуру с окоченевшей туши. Невзирая на холод, Гейрмунн взмок от пота. Наконец в его распоряжении оказались два длинных мягких меховых колпака. Все тем же топором Гейрмунн срубил две молодые березы, ство-

лы которых были толщиной с его руку. Стволы он перерубил пополам, укоротив все четыре части под рост брата. Затем разложил шкуры от носа до хвоста и в каждую засунул по два шеста. Когда Гейрмунн развел шесты, они натянули шкуры, образовав подобие саней: прочных, мягких и защищающих от холодного воздуха и снега.

Эти наспех сделанные сани Гейрмунн подтянул к брату и осторожно перекатил Хамунна на них. Туда же он положил лук и другое оружие брата, надежно все закрепив. Теперь можно было трогаться в путь.

Срываться с места ночью – опасная затея, но дожидаться утра было еще опаснее. Гейрмунна тревожили не столько волки, сколько состояние Хамунна. Брату требовался опытный лекарь, способный уберечь рану от загнивания. Чем раньше они доберутся до Авальсснеса, тем лучше. Любое промедление могло погубить Хамунна.

Туши, лишившиеся шкур, Гейрмунн оставил на случай возвращения волков. Он знал: голодные волки иногда не брезгуют мясом сородичей. Если нет, пусть попируют оленьей. Гейрмунн вырезал несколько крупных кусков на пропитание себе и брату в пути. Остальное пойдет волкам.

У Гейрмунна при себе была толстая веревка, которой он обычно связывал лапы убитых волков. Сейчас он соединил ею крест-накрест передние концы шестов. Получилось нечто вроде упряжи, которую он перебросил себе через грудь и плечи. Основная нагрузка приходилась на спину, оставляя

руки свободными и позволяя выравнивать шесты и не давать саням западать набок. Впрягшись и сделав первый шаг, Гейрмунн едва не упал. Ему в общей сложности предстояло тащить раненого брата, две волчьи шкуры и березовые шесты.

– Тор, даруй мне силу, – прошептал Гейрмунн, стараясь устоять на ногах.

Еще через мгновение он двинулся в обратный путь.

Гейрмунн шел ночь, день, потом вторую ночь и второй день. В тех местах, где беспощадные веревки, словно лезвия топоров, врезались в плечи, мышцы онемели и утратили чувствительность. Ноги тоже онемели от тяжелого груза, а также от снега и льда. Одеревеневшая спина скрипела, как старый дуб, который непременно рухнет под натиском очередной бури. Концы шестов даже сквозь перчатки до крови царапали руки. В груди Гейрмунна все пылало – там, где вдыхаемый ледяной воздух встречался с огнем легких.

Наступил рассвет третьего дня. За минувшую ночь Гейрмунну наконец-то удалось спуститься с каменистых снежных гор. Теперь его путь пролегал по равнинам, чьи поля и луга доставляли меньше хлопот. Кое-где высокие травы, мокрые от дождя, служили прекрасной дорогой. Сани скользили по ним, позволяя Гейрмунну немного передохнуть.

Увы, передышки были недолгими.

Когда солнце поднялось на высшую точку неба, боль перестала донимать Гейрмунна, сменившись более беспощадным и опасным противником. Мышцы рук и ног дрожали от напряжения, суставы и связки ощущались стершимися и обвисшими. Если приступам боли он еще мог сопротивляться, собирая силы в кулак, то утомление обложило его со всех сторон, как крепость, и дожидалось, когда он исчерпает все

резервы и наконец-то свалится. Гейрмунн знал: для противостояния осаде нужно выспаться, но он старался как можно быстрее достичь Авальсснеса и шел почти без остановок. Во время кратких привалов он проверял состояние Хамунна, жарил оленину, кормил брата и сам проглатывал несколько кусков. Всего дважды он позволил себе немного подремать. Однако сейчас у Гейрмунна не оставалось иного выбора. Тело требовало отдыха.

Заметив прудик, блестящий в нескольких роздыхах впереди, окаймленный кустами орешника, Гейрмунн счел его подходящим местом для отдыха и направился к берегу. Там он опустил брата на землю и сам повалился на мокрые листья и раздавленные ореховые скорлупки. Его окутал влажный сладковатый запах гниющей растительности.

Прежде чем позволить себе сон, он в очередной раз проверил состояние Хамунна. Смуглое лицо брата оставалось бледным, но уже не таким горячим, что Гейрмунн счел добрым знаком. Хамунн находился в полусознательном состоянии. Иногда он погружался в крепкий сон, иногда что-то бормотал и выкрикивал. Гейрмунн считал это благом, иначе Хамунн страдал бы от боли и тягот пути. Во всяком случае, пока это Гейрмунна не тревожило. Он и сейчас не стал будить Хамунна. Гейрмунн поднял якорь своего разума и отдался потоку сна, не зная, куда тот его унесет. Когда же он снова открыл глаза, вокруг было темно, а сам он дрожал от холода.

С пробуждением вернулась и боль, но Гейрмунн встретил ее спокойно и достойно. Отдых укрепил его силу воли. Стуча зубами, он встал и набрал хвороста на костерок, рассчитывая при свете пламени еще раз взглянуть на брата, а заодно согреться перед продолжением пути. К своему удивлению, Гейрмунн обнаружил, что Хамунн проснулся и наблюдает за ним.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Гейрмунн, подходя к брату.

– Весь чешусь. В волчьих шкурах полным-полно блох. – Хамунн попытался улыбнуться. – Было бы недурно справить большую и малую нужду.

Гейрмунн усмехнулся и ослабил ремни, удерживающие брата на санях, после чего помог Хамунну встать.

– Помни про руку. Не пытайся ее поднять.

– Даже если бы ты ее не привязал, я бы все равно не смог.

Хамунн отошел на несколько шагов от костра. Гейрмунн терпеливо ждал, затем окликнул брата. Хамунн вернулся и молча лег на сани, застонав от боли. Гейрмунн отдал ему последние куски оленины, которые жарил не то вчера, не то позавчера. Вспоминать было трудно.

– Где мы? – спросил Хамунн.

Гейрмунн уселся по другую сторону костра.

– Я рассчитываю завтра еще засветло добраться до усадьбы.

Брат перестал жевать.

– Ты что же, все это время волок меня на санях?

Гейрмунн подбросил в огонь еще несколько веток орешника, подняв сноп искр и струю терпкого, пахнущего орехами дыма.

– А что мне оставалось? Ты был слишком ленив, чтобы идти.

– Это точно, – засмеялся Хамунн и тут же поморщился от боли. Он потянулся за вторым куском мяса. – Боюсь, я и сейчас еще слишком ленив.

В глазах брата сквозила гордость и тревога. Его мысли Гейрмунн знал, как свои собственные. У Хамунна не было сил идти, однако он не хотел становиться обузой.

– Еще один день для меня – пустяк, – пожал плечами Гейрмунн.

– Зато для меня не пустяк, – сказал Хамунн. – Это же я изъеден блохами.

– Ты и раньше был ими изъеден. Твой блошинный клан и клан волков могут сойтись на альтинге.

Хамунн усмехнулся и снова поморщился:

– Не смеши меня.

– Когда мы двинемся дальше, вряд ли у тебя будут причины смеяться.

Гейрмунн встал, набрал охапку влажных листьев и забросал костер, после чего затоптал оставшиеся угли, погрузив заросли орешника во тьму.

– Готов? – спросил он брата.

Хамунн посмотрел на усыпанное звездами небо, словно пытаясь определить, скоро ли рассвет.

– Уже?

– Да. Думаю, пора. – Гейрмунн стряхнул приставшие к рукам листья. Его голос звучал серьезнее, чем ему хотелось. – Тебе нужен более умелый врачеватель, нежели я.

Хамунн неторопливо кивнул:

– Тогда и впрямь пора.

Гейрмунн снова, в последний раз, прикрепил брата к саям, но у проснувшегося Хамунна эти действия вызывали боль и стоны. Гейрмунну стало очень жалко брата. Хамунн, со своей стороны, ни единым словом не посетовал на тяготы, только плотно сжал губы и закрыл глаза, выдерживая пытку. Но когда Гейрмунн закончил, вдруг попросил:

– Дай мне меч.

– Твой меч? – удивился Гейрмунн.

– Хочу держать его в руке.

Гейрмунн понял, чем вызвано желание брата, и постарался прогнать страхи.

– Судьба еще не закончила дел с тобой. И отец – тоже. Он бы сам отправился в Валгаллу, чтобы вернуть тебя из...

– Прошу тебя, брат. – Он раскрыл ладонь, прижатую к груди. – Мой меч.

Гейрмунн не знал, нужно это или нет, но не находил причин, чтобы отказать брату. Если Хамунн умрет раньше, чем они достигнут Авальсснеса, он хотел уйти с мечом в руках.

Он мысленно поклялся опередить норн и не попасть под их ножницы. Потом отвязал меч Хамунна и вынул оружие из ножен. Лезвие меча было изготовлено из прекрасной стали, отлитой в земле франков. Отец подарил Хамунну меч накануне его первого морского плавания. Насколько Гейрмунн знал, этот меч еще не пролил крови ни человека, ни зверя. Рукоять меча от головки до упора украшала инкрустация в виде золотых и серебряных завитков. Они смыкались, образуя реку, холодно сверкающую под светом звезд.

– Если выронишь, я подбирать не буду, – с напускной суровостью предупредил Гейрмунн.

– Знаю.

Гейрмунн подсунил конец лезвия под ремень, стягивающий колени брата. Не лишняя предосторожность, если пальцы Хамунна вдруг ослабеют. Прodelав это, он вложил рукоять в руку брата.

– Спасибо, – прошептал Хамунн, сжав меч и подтянув ближе к сердцу.

Гейрмунн молча кивнул и нагнулся, чтобы снова надеть упряжь на плечи. И тут же веревки с удвоенной свирепостью врезались в плечи. Интересно, сможет ли он после этого путешествия грести веслом, когда настанет время плавать на собственном корабле?

– По-моему, ты стал легче, – сказал он брату. – Спасибо, что избавился от мочи и дерьма.

Хамунн засмеялся. Потом к смеху примешался стон, а

дальше оставались только стоны. Стоны не умолкли, когда Гейрмунн потянул сани и те медленно стронулись с места.

Гейрмунн шел по полосе низменностей, тянущихся между Олфьордом на севере и Шольдафьордом на юге. Он старался выбирать ровные участки. Но вокруг по-прежнему было темно, а потому на пути неизбежно попадались кочки и выбоины. С каждой встряской Хамунн стонал громче. Большую часть ночи Гейрмунн сверялся с курсом по звездам, но перед самым рассветом звезды затянуло облаками. Загремел гром, хлынул дождь. Но даже тогда Хамунн молчал, не жалуясь, что Гейрмунн постоянно спотыкается на скользкой земле, накрывая сани. Гейрмунн даже остановился и проверил, не потерял ли брат сознание. Оказалось, что нет. Просто Хамунн стоически выдерживал тяготы пути.

Брат лежал, устремив лицо к небу и закрыв глаза. Дождевые капли блестели у него на ресницах.

– Лицо мне прикрой, – попросил он сквозь стиснутые зубы.

– Сейчас. Как-то не догадался. – Гейрмунн растянул капюшон плаща Хамунна, прикрыв брату лицо до самого носа. – Так сойдет?

Хамунн едва заметно кивнул. Костяшки пальцев, сжимавших меч, побелели.

Гейрмунн вздохнул и, словно бык, снова впрягся в веревочное ярмо. Холодный дождь хлестал по нему, проникая сквозь швы плаща под мех и кожу нижней одежды. Но места

здесь были обжитыми, с хуторами и дорогами. К юго-востоку серым горбом поднималась каменистая гряда. Гейрмунн намеревался обогнуть ее и идти дальше на юг, к берегам Шольдафьорда. Он не заметил, как рассвело. Дождь уже не лил, а моросил. С холмов наплывал туман, стелясь над низинами и водой. Гейрмунн шел вдоль берега фьорда, потом вдоль берега озера.

Наличие дорог облегчило бы путь, если бы не дождь, превративший их в болота. Земляная жижа чавкала под сапогами Гейрмунна. В ней тонули, покрываясь комьями мокрой земли, концы санных шестов. Гейрмунн напрягался изо всех сил. Его шаги замедлились, а сердце было готово разорваться от напряжения. Дважды ноги проваливались в грязь, как в болотную топь, увлекая его и сани. На третий раз Гейрмунн рухнул и остался лежать, не зная, сумеет ли подняться.

– Ты домов в окрестностях не видишь? – спросил Хамунн. – Или мест, где можно укрыться?

– Пока не вижу, – ответил Гейрмунн. Он прижимал руку к груди, стараясь выровнять дыхание. Меж тем его ноздри улавливали запах дыма. – И даже... даже будь здесь дома, мне все равно пришлось бы идти за врачом... время потерял бы.

Гейрмунн нащупал колени и, надавив на них, встал.

– Я бы дождался врача, – сказал Хамунн. – Разыщи подходящее место, оставь меня там и иди.

– Я не оставлю тебя нигде, – возразил Гейрмунн, снова

впрягаясь в сани.

– Ты не можешь...

– Я же сказал, что нет. – Гейрмунн попытался повысить голос, но лишь сбил дыхание. – Здесь я тебя не брошу.

Он подумал съехать с дороги и двигаться по кромке поля, однако тут же отказался от этой затеи. Окрестные ячменные поля, с которых сняли урожай, выглядели еще менее проходимыми. Значит, придется и дальше двигаться по дороге, месить грязь и вязнуть в ней, даже если он упадет еще тысячу раз. Вскоре Гейрмунн перестал различать расстояние между дальними холмами и деревьями. Его внимание сосредоточилось на расстоянии между нынешним шагом и следующим. Все мысли крутились только вокруг движения. Его походка слабела. Гейрмунн старался об этом не думать. Он все отчетливее сознавал, что долго ему не продержаться и что родного дома им обоим не видать. Но Гейрмунн гнал от себя эти мысли и продолжал идти.

Мало-помалу дождевые тучи рассеялись, и над мокрым миром засияло солнце. Подойдя к северной оконечности Фёрресфьорда, Гейрмунн повернул на юго-запад и пошел вдоль берега к проливу Кармсунн и дому. Потеплело, но перемена погоды не обрадовала Гейрмунна. Теперь ему приходилось щуриться от солнца, сверкавшего в бесчисленных дорожных лужах.

– Слышишь? – вдруг спросил Хамунн.

– А что я должен слышать?

– Лошади. Всадники.

Гейрмунн остановился. В ушах шумело от напряжения и усталости. Он напряг слух. Хамунн был прав. Путники проезжали недалеко – за ближайшим поворотом дороги. Ветер доносил их голоса. Путники проклинали дождь и раскисшую дорогу.

– Разбойники так не горланят, – сказал Хамунн и снова оказался прав.

Разбойники не ездили по дорогам, а лишь делали засады в пустынных местах, убивая и грабя путников. Раньше, чем Гейрмунн решил, не будет ли благоразумным съехать с дороги, из-за поворота показались всадники. Увидев Гейрмунна и сани, всадники окликнули его. Гейрмунну показалось, что он узнал грубый голос Стейнольфура. Может, он уже спятил или бредит наяву? Однако всадники устремились к нему, и, когда приблизились, Гейрмунн увидел не только Стейнольфура, но и его юного подопечного Шальги – парня со шрамом над левым глазом. С ними было еще четверо людей из Авальсснеса. Они легко одолели оставшееся расстояние. При виде знакомых лиц Гейрмунн едва не зашатался от облегчения.

– Стойте! – крикнул Стейнольфур, натягивая поводья и останавливаясь в нескольких шагах. – Гейрмунн, никак ты?

– Я, – ответил Гейрмунн, у него дрожали руки.

– Что за странные сани ты волочешь? – Стейнольфур спешил и подошел к нему. – И где Хамунн?

– Лежит на странных санях, – ответил Хамунн.

Шальги тоже спешил. Оба подбежали, готовые взяться за концы санных шестов. Им пришлось навалиться и ослабить шесты, и дело было не в упрямстве Гейрмунна. Он просто не мог разжать онемевшие пальцы. Тогда Шальги принял на себя вес саней, а Стейнольфур тем временем снял веревки с плеч Гейрмунна.

– Клянусь богами, – прошептал Стейнольфур, заглядывая Гейрмунну в глаза. – Что с вами приключилось?

– Волки напали, – сказал Хамунн.

– Волки? – удивился Шальги, приподнимая санные шесты. – Где?

– В нескольких днях пути отсюда, – пояснил Гейрмунн. – Близ Олунна.

– Близ Олунна? – покачал головой Стейнольфур. – Вы же собирались охотиться на белок. Ваш отец разослал поисковые отряды, но не в такую даль, как Олунн.

– Нам захотелось добычи покрупнее, чем белки, – сказал Хамунн.

– Стейнольфур, послушай меня. – Гейрмунн вспомнил, что до сих пор не сказал главного. – У моего брата большая рана ниже правой подмышки. Ему нужна помощь врача.

– Верхом ехать сможешь? – спросил Стейнольфур, взглянув на лежащего Хамунна.

– Смогу, только очень недолго.

– Пусть кто-нибудь возьмет его к себе в седло, – сказал Гейрмунн.

Отозвался всадник по имени Эгил:

– Моя лошадь выдержит Адскую Шкуру.

Гейрмунн пропустил мимо ушей ненавистное прозвище, которым еще в детстве наградили их с братом. Правда, никто, кроме них, не считал прозвище очень уж оскорбительным.

Стейнольфур кивнул:

– У Эгила самая сильная лошадь.

Он велел Шальги отвязать Хамунна, затем снова повернулся к Гейрмунну:

– А с тобой что? Как вижу, у тебя ранена рука.

Гейрмунн только сейчас вспомнил о своей ране. Кровь на рукаве давно высохла, смешавшись с грязью там, где волчьи зубы вырвали клочья кожаного плаща и шерстяной рубашки.

– Я ее толком и не осматривал.

– Отправим твоего брата, а потом я осмотрю твою руку, – сказал Стейнольфур.

Эгил подъехал на могучем златогривом жеребце, шкура которого тоже была золотистого цвета. Остальные всадники спешили, подняли Хамунна и усадили впереди Эгила. Убедившись, что Хамунн крепко сидит в седле, Стейнольфур обратился к отряду:

– Мы с Шальги тут немного задержимся с Гейрмунном. А вы поезжайте. Еще до захода солнца Хамунн должен быть в

усадьбе конунга Хьёра.

Всадники молча кивнули и, не мешкая, тронулись в обратный путь, увозя Хамунна. Из-под копыт в воздух вздымались комья земли. Гейрмунн смотрел вслед удалявшейся процессии.

– Я должен ехать с ним, – сказал Гейрмунн. – Мы должны...

– Никуда ты не поедешь, пока я не осмотрю твою руку.

Стейнольфур отвел Гейрмунна под тень раскидистого ясеня. Гейрмунн слишком устал, а потому даже не противился.

– А потом ты расскажешь, почему поволок Хамунна домой, не бросив умирать там, – добавил Стейнольфур.

Гейрмунн оседлал выпирающий из-под земли корень ясеня и прислонился к стволу. Голые ветви дерева тянулись в стороны и ввысь. Они уже сбросили золотистые листья, и те окружали Гейрмунна, словно упавшая корона. Слева, в ста саженьях, блестел под солнцем Фёрресфьорд. Справа, вдоль пологих холмов, тянулись пахотные земли и пастбища.

Вблизи ясеня Стейнольфур сложил костерок. Скупые движения воина говорили о минувших битвах и шрамах. Гейрмунну часто казалось, что десять лет, отделявшие его возраст от возраста Стейнольфура, вместили в себя гораздо больше событий, чем умещается в такой отрезок жизни. В русой бороде Стейнольфура блестела седина, а если бы его кожа была шкурой, она бы уже не годилась для выделки. С Гейрмунном он говорил как друг и советчик, нередко – как и тот и другой одновременно. Однажды, напившись и уйдя в воспоминания, Стейнольфур упомянул время, когда он сиживал гребцом на корабле. Неужели он успел побывать в рабстве? Вопрос этот занимал Гейрмунна, но негоже было спрашивать человека о том, что сболтнул его пьяный язык, спущенный хмелем с привязи разума. И потому вопрос так и повис в воздухе.

– Жара у тебя, как вижу, нет, – сказал Стейнольфур, доставая из сумки кресало и щепотку черного трута. – Болит

сильно?

– Чуть-чуть, – соврал Гейрмунн.

Теперь, когда его больше не донимала забота о брате, он заметил, что рана вспухла и была твердой на ощупь. Каждое движение рукой отзывалось острой болью. Боль не исчезала и в состоянии покоя, делаясь тупой. Но он не собирался жаловаться Стейнольфуру. Гейрмунну хотелось поскорее вернуться в Авальсснес и убедиться, что Хамунну уже оказали помощь.

– Напрасно ты затеваешь костер. У нас нет времени рассиживаться.

– О времени можешь не беспокоиться, – ответил Стейнольфур. Он ловко высек искры и подул сквозь плотно сжатые губы на трут, пока не вспыхнул огонь. – Твой брат вскоре попадет в руки врачевателя и выживет. Или умрет, если так будет угодно судьбе. Как ни старайся, тебе этого не изменить. А нам надо обработать твои раны.

Гейрмунн промолчал, но мысленно воззвал к норнам, которым предстояло решить дальнейшую участь Хамунна – если они уже не сделали это.

– Ну вот. Разгорелся, – сказал Стейнольфур, глядя на пламя. – Я же знаю: ты не за брата волнуешься. Тебя беспокоит отцовский гнев.

– Нет, я волнуюсь за брата, – хмуро возразил Гейрмунн.

Стейнольфур встал. Он скрестил руки, дожидаясь кивка Гейрмунна.

– Но и отцовский гнев меня тоже тревожит, – признался Гейрмунн.

Он сидел левым боком к костру. Тепло огня быстро проникло под одежду, но только слева. Правая часть тела по-прежнему дрожала от сырости и холода. Дрожь, пробиравшая спину, была сродни Гиннунгапу².

– Когда отец увидит Хамунна, он спросит, где я, и обвинит в случившемся меня.

– Стоишь ты рядом или нет, отец все равно тебя обвинит, – сказал Стейнольфур, подходя к Гейрмунну.

С фьорда вернулся Шальги и принес два бурдюка чистой студеной воды.

– Кто тебя обвинит? – спросил парень, слышавший лишь часть разговора.

– Отец, – ответил Гейрмунн.

– А за что? – не унимался Шальги.

– За то, что сует нос не в свои дела, – сказал Стейнольфур. – Поищи-ка лучше камней и положи их в огонь.

Шальги посмотрел на Гейрмунна. Оба улыбнулись. Потом Шальги набрал камней нужной величины и разложил по краю костра нагреваться.

– Теперь посмотрим на твою рану, – объявил Стейнольфур.

Вместе с Шальги они сняли через голову кожаную тунику

---

² *Гиннунгапан* – в древнескандинавской мифологии первичный хаос, мировая бездна.

Гейрмунна, затем таким же манером стянули и шерстяную рубашку, стараясь не задеть раненую руку. Гейрмунн морщился от боли. Но чтобы увидеть рану, требовалось снять не только верхнюю одежду, но и нижнюю полотняную рубашку. Это оказалось не так-то просто. Ткань пропиталась кровью и прилипла к коже. Шальги побросал нагретые камни в бурдюки с водой, отчего та зашипела и забулькала. Вода быстро нагрелась почти до кипения. Шальги побрызгал на рану Гейрмунна. Стейнольфур разминал заскорузлую ткань рубашки. Гейрмунн кряхтел и скрипел зубами. Не сразу, но им удалось снять рубашку и осмотреть рану.

– Столько крови и шума из-за царапины, – сказал Стейнольфур.

Гейрмунн взглянул на рану, едва не вскрикнул, потом засмеялся. Его рана была гораздо серьезнее царапины. Волчьи зубы оставили полукружье отметин и содрали кожу. Плоть в месте укуса почернела и воспалилась.

– Уверен, ты видел раны и похуже, – сказал Гейрмунн.

– Я и получал раны похуже этой, – усмехнулся Стейнольфур. – Такие есть даже у нашего парня.

Шальги молчал и бесстрастно смотрел на рану Гейрмунна. Таких ран на его теле, конечно же, не было, но глубокий, изломанный шрам над глазом свидетельствовал, что он и впрямь видал раны похуже этой. Упавшее дерево насмерть раздавило его отца. Сам он только чудом не погиб. Шальги было достаточно лет, чтобы носить копье, а вот бородой он

еще не обзавелся. Но в отличие от Гейрмунна он непременно отрастит бороду, когда волосы решат, что он достиг зрелости.

– По-моему, перед нами – сын Хьёра, – вздохнул Стейнольфур и пихнул локтем Шальги, чтобы хоть немного разве-селить парня и унять его страх. – А значит, мы должны во-зиться с ним, как с тщедушным щенком, и в случае чего все шишки повалятся на нас.

– Я тоже так думаю, – тихо согласился Шальги.

– Итак. – Стейнольфур хмуро покосился на руку Гейр-мунна. – Сдается мне, ты хочешь сохранить свою лапу.

– Если получится, да, – признался Гейрмунн. – Мой меч будет скучать без нее.

– Неужели? Меч тоже нуждается в прокорме. Бьюсь об за-клад, он с радостью найдет другую руку, которая будет обра-щаться с ним лучше.

– Вроде твоей? – спросил Шальги, улыбаясь во весь рот.

– Возможно, – пожал плечами Стейнольфур. – Но у меня уже есть меч, и потому я изо всех сил постараюсь не разлу-чать руку Гейрмунна с его мечом, – улыбнулся Стейнольфур, но тут же вновь стал серьезным. – Но по возвращении тебе тоже понадобится помощь врачевателя.

Гейрмунн кивнул:

– Быть может, это отчасти охладит отцовский гнев.

– Быть может. – Стейнольфур повернулся к Шальги. – Принеси еще воды. И ромашки, что не пахнет, если сумеешь

найти.

Шальги высыпал из бурдюков камни и зашагал к фьорду. Гейрмунн дождался, пока парень отойдет подальше.

– Ты ведь задержал меня тут не только из-за руки, – проговорил он. – Ты хотел что-то сказать.

– Верно. – Стейнольфур вновь положил камни в огонь. – И вот что я тебе скажу: никто бы плохо о тебе не подумал. Никто не вздумал бы тебя винить.

– За что? – с вызовом спросил Гейрмунн, прекрасно зная, куда клонит Стейнольфур.

Бывалый воин почесал лоб и вздохнул:

– Люди умирают. Таков порядок вещей.

Гейрмунн наклонился к Стейнольфуру. Его щеки пылали, разогретые жаром костра.

– Хамунн – мой брат.

Стейнольфур кивнул, шевеля палкой камни, чтобы равномерно нагревались.

– Братья тоже умирают. На юге, откуда я родом...

– Мы в Ругаланне. – Гейрмунн ощутил ком в горле. – Не знаю, как там у вас в Агдире, но у нас не так. И советую это помнить, прежде чем заговоришь.

– Гейрмунн, я же твой клятвенник. Если я не могу говорить с тобой напрямую, тогда кто может?

Гейрмунн заглянул в глаза Стейнольфура и не увидел там ни хитрости, ни коварства. Таких людей в отцовской усадьбе было мало.

– Говори напрямую. Но думай, что говоришь.

Стейнольфур помешкал, как человек, готовящийся ступить на весенний лед.

– Много лет назад, когда тебе было меньше, чем Шальги сейчас, мне довелось увидеть, как ты упражняешься в поединке с Хамунном. Я следил за вами, а потом отправился к Хьёру и попросил у него позволения стать твоим клятвенником.

Гейрмунн помнил день, когда отец представил ему Стейнольфура. Потом он научился ценить общество воина, но тогда отнесся к Стейнольфуру с неприязнью, решив, будто того приставили шпионить за ним и мешать проказничать. Гейрмунну казалось, что и Стейнольфур частенько тяготится своими обязанностями. Юному Гейрмунну и в голову не приходило, что эти обязанности Стейнольфур возложил на себя добровольно.

– Почему? – спросил Гейрмунн.

– В самом деле, почему? – усмехнулся Стейнольфур. – Твои руки были тонкими, как прутики. Ты едва удерживал деревянный меч, которым упражнялся. И тем не менее... – Стейнольфур улыбнулся и ткнул его пальцем. – Ты меня напугал. В твоих глазах я увидел ненасытность. Увидел ярость. Ту, что никогда не угасает. Я понял: тебе суждено быть конунгом. А в глазах Хамунна я ничего подобного не увидел. Ни тогда, ни сейчас. Потому-то я и стал твоим клятвенником, а не его. Твоя судьба – быть конунгом...

– Довольно, – оборвал его Гейрмунн и затих, обдумывая дальнейшие слова. От сказанного Стейнольфуром его охватила неожиданная гордость и тайный стыд. Он пришел в замешательство, не зная, на чью сторону встать. Когда же неразбериха в душе унялась, его затрясло от гнева и боли. – Спасибо за прямоту, – сказал Гейрмунн.

Стейнольфур кивнул.

– А теперь я поговорю с тобой, и тоже прямо. Впредь ты не произнесешь подобных слов ни мне, ни кому-то еще. Хамунн для меня больше, нежели клятвенник. Он – мой брат.

Гейрмунн постарался, чтобы голос звучал резко и угрожающе.

– Впредь ты не будешь говорить мне о том, что видишь в нем или чего ему не хватает. Ты ничего не знаешь о битвах, которые мы с ним вели бок о бок в отцовской усадьбе.

Бывалый воин оторопело смотрел на него. Стейнольфур знал историю первых лет жизни братьев, прошедших на соломе и в окружении собак. Но то была лишь ничтожная часть всей правды.

– Ты ничего не знаешь о голоде и ярости моего брата, – продолжал Гейрмунн. – Да и о моих тоже.

Стейнольфур опустил взгляд к земле и кивнул, почувствовав, что благие намерения завели его слишком далеко и, если не остановиться, можно бесповоротно испортить отношения с Гейрмунном.

Вскоре вернулся Шальги, сопя от быстрой ходьбы. Ще-

ки парня раскраснелись, почти сравнявшись цветом с рыжими волосами. Стейнольфур торопливо забрал у него бурдюки. Шальги недоуменно поглядывал на спутников, теребя в руках несколько иссохших кустиков ромашки, оставшихся с лета. Парень догадывался: в его отсутствие что-то произошло, но предпочитал не спрашивать. Стейнольфур побросал нагретые камни в бурдюки, затем взялся за покалеченную руку Гейрмунна.

– Постарайся не визжать.

Гейрмунн плотно сжал зубы, удерживаясь от любых жалоб и стонов, хотя боль была ослепляющей. Стейнольфур плеснул горячей водой на рану и потер чистой тряпкой, очищая, насколько возможно, места укусов. Несколько ранок открылись, и оттуда потекла кровь вперемешку с гноем. Стейнольфур выдавливал гной, пока кровь не стала темной и чистой. Сделав отвар ромашки, он смочил тряпку, приложил к раненому месту, затем другой перевязал.

– Думаю, лапа твоя заживет без последствий, – окончив перевязку, сказал Стейнольфур.

– Спасибо, – произнес Гейрмунн, по его лбу струился пот.

– Жаль, я не захватил эля или медовухи, – посетовал Шальги. – Было бы чем боль унять.

– Тебе пришлось бы тащить целый бочонок, – сказал Гейрмунн.

Стейнольфур и Шальги одели Гейрмунна и двинулись в сторону Авальсснеса. По настоянию Стейнольфура, Гейр-

мунн ехал на лошади Шальги. Парень месил грязь, топая рядом. Всадники старались ехать так, чтобы Шальги легко поспевал за ними. Размолвка, случившаяся между Гейрмунном и Стейнольфуром, не растворилась, а продолжала давать на обоих. Ехали молча. Изредка молчание нарушали замечания Шальги о состоянии дороги или меняющемся времени года. Потом парень вдруг спросил, слышал ли кто о датчанине по имени Гутрум.

– Вроде отец произносил это имя, – вспомнил Гейрмунн. – Ярл он, наверное.

– Почему ты спросил про Гутрума? – поинтересовался Стейнольфур.

– Да вот, люди с торгового корабля говорили про него, – шурясь от солнца, ответил Шальги.

– А сейчас почему вспомнил о нем? – спросил Гейрмунн.

– Просто на ум пришло. – Шальги коснулся лезвия топора, висевшего за поясом. – Говорят, Гутрум собирает корабли и воинов под знамена датского правителя Берси. Не только датчан. Там есть и норвежцы. Возможно, даже гёты со шведами.

– С какой надобностью? – спросил Стейнольфур.

– Примкнуть к армии Хальфдана и завоевывать саксонские земли.

– Какие именно саксонские земли? – спросил Гейрмунн.

– Наверное, все, что есть, – пожал плечами Шальги.

Гейрмунн взглянул на Стейнольфура. Клятвенник смот-

рел перед собой, придерживая язык, но Гейрмунн и так знал его мысли. Стейнольфур часто говорил о сыновьях Рагнара Лодброкка, хвалившихся своими заморскими успехами. Пресытившись летними набегами, они начали захватывать саксонские престолы и королевства. Не принеси Стейнольфур клятву Гейрмунну, он давно участвовал бы в заморских сражениях, в которых завоевал бы себе дом и землю.

Гейрмунн повернулся к Шальги:

– В твоём голосе я слышу искреннее желание. Хочешь примкнуть к этому датчанину?

Парень мялся, поглядывая то на Гейрмунна, то на Стейнольфура.

– Я бы не прочь.

– Я тебя не упрекаю, – успокоил его Гейрмунн. – По правде говоря, меня тоже куда-то тянет.

– Так поплыли, – тихо предложил Стейнольфур. – Попроси у отца корабль.

– Ты же знаешь, что он не даст мне корабль. Особенно для набегов.

– А почему для набегов не даст? – с любопытством спросил Шальги.

Гейрмунн покачал головой, не зная, как сказать правду, не нарушив верность отцу.

– Сам знаешь, что это не набег. – Стейнольфур повернулся в седле и заглянул Гейрмунну в глаза. – И Хьёр это знает. В его жилах течет кровь отца и деда, хотя он и избрал другой

путь. В подобной просьбе нет ничего вероломного. Младшие сыновья всегда идут своей дорогой.

Теперь уже Гейрмунн смотрел на дорогу и молчал. Он не мог отрицать правдивости слов Стейнольфура. Правдой было и его собственное давнишнее желание получить корабль и уплыть из Ругаланна, куда позовет судьба. Но пока разлука с братом казалась невыносимой.

– Я об этом подумаю, – наконец сказал Гейрмунн.

– Тогда думай, – подхватил Стейнольфур. – Но вначале спроси себя, известно ли тебе, что у тебя на уме. Уверен, что известно, и никакие раздумья этого не изменят. Тебе остается одно: действовать.

Больше об этом никто не сказал ни слова. Их путь продолжался. Ели на ходу, подкрепляясь копченой рыбой. Вскоре показались знакомые места. На закате они достигли хуторов и взятых внаем земель Авальсснеса. При желании можно было здесь и заночевать, однако Гейрмунну хотелось поскорее увидеть брата. И потому, когда солнце село, путь продолжился при скудном блеске луны и отсветах далеких костров, пока они не достигли темных вод Кармсунна.

Этот узкий пролив тянулся на двадцать морских миль к югу, где соединялся с громадным Бокнафьордом. На севере он упирался в Северный Путь, где плавали киты и проходили торговые пути. По другую сторону Кармсунна лежал остров-крепость Кармёи – родной дом Гейрмунна, место, где древние конунги вели свою родословную от богов. Море, с

трех сторон омывавшее остров, очень редко бывало спокойным, и почти все корабли, плывшие на север, предпочитали бурным, опасным морским водам относительно спокойные воды Кармсунна. Приливы и отливы вынуждали суда останавливаться в Авальсснесе для пополнения запасов и починки. Так отцовские владения крепили и богатели.

К Кармсунну путники подошли в самой узкой части пролива, миновав пять древних камней, поставленных широкой дугой в пятидесяти сажнях от берега. Все камни были белыми и тонкими, как рыбий хребет. Лунный свет играл на их поверхности. Никто не помнил, какие люди ставили эти камни. Возможно, что и не люди, а великаны или боги. Однако сила, заключенная в камнях, ощущалась и по сей день. Они стояли там, где, как утверждали сказания, Тор пересекал Кармсунн. В этом месте была паромная переправа на остров. Должно быть, всадники, везшие Хамунна, предупредили о приезде Гейрмунна, ибо его, Стейнольфура и Шальги дожидалась лодка.

Когда подплывали к острову, взору Гейрмунна открылись далекие черные силуэты погребальных курганов, где покоились предки. Курганы стояли в северной части острова. Самый крупный принадлежал его деду Хальфу. Высадившись на острове, путники повернули на юг и через роздых, обогнув бухточку, наконец добрались до города Авальсснес.

На городской стене ярко горели факелы. Едва путники подошли к воротам, те сразу же распахнулись. Стражу наверня-

ка предупредили о возвращении Гейрмунна. Пропустив всех троих, ворота тут же закрылись. Гейрмунн увидел, что вся главная дорога тоже освещена факелами. Она шла к востоку от ворот, пересекала город и поднималась к утесу, где, возвышаясь над Кармсуном, стояла отцовская усадьба.

– Похоже, нас ждали, – сказал Шальги. – Забота, как-никак.

В душе Гейрмунна уже поднималась тревога, но он заставил себя усмехнуться:

– Или – предостережение.

– Сначала посмотрим, как тебя встретят, потом будем решать, – заключил Стейнольфур.

Они двигались по освещенной дороге. В окнах и дверях домов мелькали знакомые лица. Многие выкрикивали благопожелания в адрес Гейрмунна и его брата. Пахло дымом очагов и готовящейся пищи. Из домов долетали обрывки смеха и звуки музыки.

Когда поднимались к отцовской усадьбе, Гейрмунн заметил тень, мелькнувшую среди каменных столбов. Столбы появились на холме задолго до того, как его предки впервые воздвигли здесь жилье. В отличие от камней на берегу Кармсуна, столбы были втрое выше человеческого роста и стояли наклонно, почти смыкаясь наверху. Они чем-то напоминали когти дракона, собравшегося взмыть с земли. На фоне вечернего неба темнела длинная дугообразная крыша отцовской усадьбы. Она была выше столбов и, казалось, благого-

вела перед ними и в то же время тяготилась их присутствием. Когда Гейрмунн со спутниками поднялись на вершину холма, из тени на свет выступила фигура.

– Здравствуй, Гейрмунн Адская Шкура, – произнес женский голос, едва он и Стейнольфур спешили.

Гейрмунн узнал голос. Узнал он и рога, прикрепленные к капюшону плаща вёльвы³, сшитого из козьих и кошачьих шкур. Он живо представил ледяную синеву глаз женщины, хотя и не видел их в темноте.

– Здравствуй, Ирса, – поздоровался он. – Тебя позвал мой отец?

– Нет, не он.

Предсказательница подошла к ним. На босых ногах поблескивали браслеты. Увидев кровь на ее лице и полотняной рубашке, Гейрмунн искренне понадеялся, что это кровь жертвоприношений, а не его брата.

– Я уже была здесь, когда вернулся Хамунн, – сказала она, похоже не чувствуя вечернего холода. – Я знала, что понадоблюсь, и потому ждала.

– Само собой понадобишься. – Стейнольфур скрестил руки на груди, глядя на женщину с настороженным недоверием. Так он относился ко всем, кто соприкасался с магией и утверждал, что является посредником между людьми и богами или говорит от их имени. – Но если ты знала, что Хамунн покалечится, отчего не предостерегла его раньше, чем

---

³ Вёльва (др. – норв.) – предсказательница, прорицательница.

он отправился на охоту?

Предсказательница холодно улыбнулась. Бедняга Шальги нырнул в тень Стейнольфура.

– Я знала лишь, что понадобится, – ответила Ирса. – А зачем – не знала.

– И все равно, – сказал Стейнольфур, которого не убедили ее слова. – С какой стати конунгу могли понадобиться услуги ведьмы?

– Уверен, отец был благодарен тебе, – сказал Гейрмунн, рассчитывая утихомирить Стейнольфура. Он и сам недоверчиво относился к предсказателям и колдунам, чьи прорицания были хитроумно запутанны и больше служили целям самих предсказателей, однако в дарованиях Ирсы не сомневался. – Как мой брат?

– Будет жить и поправится.

Набравшись смелости, Шальги шагнул вперед, выпалив:

– Гейрмунн тоже ранен. Ты посмотришь его?

Вёльва повернулась к Гейрмунну, мельком взглянув на его руку. Затем подошла совсем близко и заглянула в глаза. Он не знал возраста Ирсы. Порою она казалась ему старше матери, а порою моложе. Но ее глаза не имели возраста.

– В этом нет необходимости, – ответила Ирса.

Гейрмунн не знал, как понимать ее слова. Означало ли это, что его рука заживет? Или он обречен и любые ухищрения не смогут предотвратить его смерть?

– Почему нет необходимости? – спросил Стейнольфур,

преврав тягостные мысли Гейрмунна.

Ирса продолжала смотреть на Гейрмунна. Он тоже не мог отвести глаз от предсказательницы.

– Потому что его судьба связана с судьбой брата. Нити их жизней переплетены на много лет вперед. Если одному суждено выжить, будет жить и другой.

– А если одному суждено умереть? – хмуро спросил Стейнольфур.

Глаза Ирсы, как два кинжала, полоснули по нему, отчего Стейнольфур попятился.

– До их смертей я вижу достигнутое величие, – сказала она.

– В этом мы с тобой согласны, – кашлянув, признался Стейнольфур.

– Спасибо, Ирса, что пришла, – сказал Гейрмунн.

Предсказательница кивнула и повернулась, чтобы спуститься, но задержалась.

– Наступит день, когда Эгир⁴ поглотит тебя, но он же выплюнет тебя обратно. Пора тебе, Гейрмунн Адская Шкура, странствовать там, где плавают киты.

С этими словами она ушла.

– Откуда она узнала? – спросил побледневший Шальги.

– Что узнала? – не понял Стейнольфур.

– Как ты подсказал Гейрмунну попросить у отца корабль.

---

⁴ *Эгир* – в древнескандинавской мифологии йотунн (владыка) морей, морская стихия.

– Но она же сказала совсем другое. – Стейнольфур крепко ухватил парня за плечо и притянул к себе. – А теперь послушай, что я тебе скажу. Когда предсказатели вещают, они рассчитывают, что ты сам заделаешь пробоины в их словах, но ты не торопись с древесиной и смолой, чтобы эти слова держались на плаву. Настоящей предсказательнице твоя помощь не понадобится. А она сказала то, что мы и без нее знаем. Сын любого конунга, когда достигает возраста Гейрмунна, должен получить в свое распоряжение корабль. Ничего сверхъестественного в ее словах нет. Теперь понимаешь?

Шальги хмуро кивнул.

– Вот и хорошо. – Стейнольфур разжал пальцы. – А теперь ступай кормить и поить лошадей.

Шальги снова кивнул, затем молча взял поводья лошадей и повел их к конюшне.

– Ты действительно так считаешь? – спросил Гейрмунн. – Думаешь, в ее словах нет ничего особенного?

Прежде чем ответить, Стейнольфур что-то пробурчал себе под нос.

– Я бы не стал брехать парню. Да, я верю каждому слову, которое ему сказал. И еще знаю, что эта женщина меня пугает, а я не люблю, когда меня пугают.

– Покажи мне человека, который ничего не боится, и я покажу тебе дурака. Твои слова, между прочим.

– Я всегда был дураком.

Гейрмунн улыбнулся и посмотрел на раненую руку.

– Может, ты и дурак, но я тебе благодарен. Надеюсь, ты не обидишься, если врачевательница посмотрит на то, как ты управился с моей раной.

– Ничуть, – засмеялся Стейнольфур. – Я настаиваю на этом.

Гейрмунн кивнул и повернулся, чтобы войти в усадебный дом и предстать перед отцом, но клятвенник его задержал.

– Позволь дураку промолвить еще пару слов, – сказал Стейнольфур, глядя на дверь усадьбы. – Отец может тебя обвинить. Рассердиться, отругать последними словами. Не обращай внимания. Засыпая, знай, что ты спас брату жизнь, и честь твоего поступка покрывает любые ошибки, в которых может обвинить тебя отец.

Гейрмунн шумно вдохнул:

– А ты, засыпая, знай, что спас жизни нас обоих.

– Жду, что утром мне пожалуют браслет, – сказал Стейнольфур.

Гейрмунн усмехнулся и подошел к двери. Прежде чем ее открыть, он расправил плечи и высоко поднял голову. Затем они со Стейнольфуром вошли под своды отцовской усадьбы.

В громадном зале усадебного дома было тепло и светло от множества масляных ламп. В дальнем конце очага на вертеле жарились остатки поросенка. Куски мяса стали коричневыми и шипели, капая жиром на огонь и наполняя зал восхитительным ароматом. Стоило Гейрмунну войти, как дружно залаляли псы. Мужчины и женщины поднялись со скамеек, приветствуя его. Они пожимали ему руки и хлопали по плечам. В зале собрались отцовская родня и его клятвенники, но было много и гостей: торговцев, ремесленников и посланцев из других земель и от других правителей. Все радовались благополучному возвращению Гейрмунна.

Не желая никого обидеть, он приветствовал всех, но невольно морщился, когда чужие пальцы касались раненой руки. Ему хотелось поскорее вырваться из людского кольца. Стейнольфур угадал его мысли.

– Пожалуй, довольно мять ему бока, – сказал Стейнольфур, выходя вперед, чтобы расчистить Гейрмунну путь. – Пропустите парня. Матери не терпится поцеловать его безбородую щеку.

Гейрмунн поблагодарил клятвенника кивком и поспешил дальше. Он шел мимо тяжелых закопченных столбов, что подпирали верхние балки и крышу, мимо тканых шпалер, привезенных отцом из земли франков. Гости рангом по-

меньше, считавшие себя не вправе приветствовать сына конунга у дверей, торопились сделать это сейчас, склоняя головы. Гейрмунн отвечал им кивками и шел дальше.

Его внимание привлекла одна гостя – женщина его возраста или чуть старше. Она была в доспехах. Воительница со шрамом, пересекавшим левую щеку и спускавшимся к шее, и золотистыми косами. В свете ламп они казались бронзовыми. Эту женщину Гейрмунн видел впервые, однако мужчина рядом с нею был ему знаком: Стюрбьёрн, ярл из Ставангера, что к югу отсюда. Вместе с ними стоял и Браги Боддасон – старый скальд из Гёталанда. Все трое приветствовали Гейрмунна кивками. В зеленых глазах женщины он прочел любопытство. Так бывало всякий раз, когда люди впервые видели сыновей Хьёра, прозванных Адскими Шкурами.

«Кто же она такая?» – подумал Гейрмунн, ответив на приветствия, но не остановившись. Он прошел мимо отцовского трона и удалился за резную перегородку, отделявшую большой зал от семейных покоев.

Брата он увидел в совещательной комнате, где отец в узком кругу принимал посланцев и заседал с советниками. Хамунн лежал на полу, на подстилке, прикрытый шкурами, снятыми с постели. Так удобнее было работать двум врачевательницам. Хамунн крепко спал. Его грудь вздымалась медленно и ровно, как приливная волна. На лбу блестел пот.

Отец с матерью стояли у ног Хамунна, спиной к Гейрмунну. Но мать обернулась, едва он вошел.

– Гейрмунн! – воскликнула она, крепко обняв его. – Благодарю богов за твое возвращение.

Гейрмунн тоже крепко обнял мать, потом спросил:

– Как он?

– Ирса сказала, что будет жить, – ответил отец. – Но жар пока не спадает. Врачевательница Тюра говорит, что он потерял много крови. Она посоветовала накормить его лепешкой из свиной крови. Мы закололи свинью. Теперь он спит.

– Как его рана? – спросил Гейрмунн. – Я сделал все, что мог, но...

– Мы перевязали рану, – сказала Тюра. Гейрмунн увидел из-под меха край повязки. – Дочь мне помогала. Но ты, Гейрмунн, молодец. Рана заживет, и рука Хамунна будет действовать, как прежде.

Слова врачевательницы вытащили из сердца Гейрмунна ядовитый шип страха.

– Спасибо, Тюра.

– А ты-то как? – спросила мать, осторожно коснувшись его руки. – Когда Хамунн очнулся, он сказал, что ты тоже ранен.

– Был ранен. Обо мне позаботился Стейнольфур.

– Стейнольфур? – удивилась Тюра. – Этот старый эгдир?

Решительным шагом она направилась к Гейрмунну. Кажется, врачевательница идет на войну.

– Позволь-ка мне взглянуть.

На самом деле Тюра и не спрашивала позволения, ибо по-

вела Гейрмунна к длинному столу и усадила на отцовский стул во главе стола. Там она заголила ему руку и внимательно осмотрела следы врачевания Стейнольфура.

– Ромашка? – с похвалой в голосе спросила она. – Инга, подай мне чистую тряпку. Повязка вся грязная.

Повязка, наложенная Стейнольфуром, казалась Гейрмунну вполне чистой, но он не стал спорить с врачевательницей. Дочка Тюры поднесла к столу корзину с орудиями материнского ремесла.

– Вот так-то лучше, – сказала Тюра. – Сейчас я тебя заново перевяжу.

Она смазала рану липкой, жгучей мазью собственного изготовления и стала перевязывать.

– Рана у тебя совсем не пустяшная, – сказала мать, подойдя к сыну и положив руку ему на плечо.

Только сейчас Гейрмунн заметил, что ее глаза покраснели от слез или бессонных ночей, а может, от того и другого. В черных волосах матери прибавилось седины.

– Прости, что заставил тебя поволноваться.

– Еще бы не заставил, – сказал отец.

Конунг стоял в нескольких шагах, заложив руки за спину. Он тоже выглядел усталым и изможденным. Кожа над темно-каштановой бородой была бледнее обычного. Однако Гейрмунн сразу почувствовал: отец тревожился не столько за него, сколько за Хамунна. Тем не менее Гейрмунн заставил себя сказать:

– Отец, я сожалею, что так вышло.

– Главное, вы оба дома, и твое здоровье не внушает опасений, – вмешалась мать.

Ее голос звучал твердо. Ее слова были чем-то вроде сигнала к перемирию. В ответ отец лишь пробурчал что-то невнятное.

Вскоре Тюра закончила перевязку. Мать поблагодарила врачевательницу и проводила их с дочерью в общий зал, где им предстояло заночевать на свободной скамейке. Тюра и Инга останутся в усадьбе, пока у Хамунна не спадет жар. Может, и дольше. Все зависело от желания конунга и конунги. Гейрмунн сидел, все так же положив руку на стол. Он ждал, когда отец заговорит первым.

– Прежде чем уснуть, твой брат рассказал нам о случившемся.

– Волки, – рассеянно кивнул Гейрмунн, вперившись в широкие волокна древесины. – Хамунн храбро сражался с ними.

Конунг выслушал сына, затем подошел к столу. Гейрмунн едва не вскочил, едва не подчинился инстинктивному желанию освободить законное место конунга. Но досада и злость, словно якоря, удержали его на месте. К удивлению Гейрмунна, отец сел на соседний стул, устало ссутулившись. Конунг вздохнул, потер глаза и лоб. Гейрмунн вспоминал слова Стейнольфура, мысленно укрепляя свою оборону.

– Хамунн храбро сражался с волками, – повторил отец его

слова. – Это и есть твой подробный рассказ о случившемся?

Раньше, чем Гейрмунн успел ответить, конунг продолжил:

– Был бы жив твой дед, он бы сказал, что родственные узы не защищают от зависти и вероломства. – Отец кивнул в сторону большого зала. – Можешь не сомневаться, там хватает мужчин и женщин, думающих, что только дурак мог спасти брату жизнь. Особенно рискуя собственной. Они отдают дань благородству твоего поступка, но считают тебя дураком.

– А ты? Что думаешь ты?

Конунг сощурился:

– Я никогда не сомневался, что ты – человек чести. Тебе недостает терпения, мудрости и сдержанности. Зато дури и беспечности – хоть отбавляй. Отправился в горы, навстречу опасности, совершенно неподготовленным.

В душе Гейрмунн соглашался с отцовскими словами, но признавать это не хотел.

– Сыновьям конунга не возбраняется охотиться.

– Помолчи. Не отрицай того, что очевидно каждому в этом зале, включая твоего клятвенника. Одно дело, если бы своими безрассудными действиями ты подверг опасности себя одного. Ты рисковал жизнью брата. – Отец подался вперед. – Ты рисковал жизнью будущего конунга Ругаланна.

Жжение, вызванное мазью Тюры, ослабло, сменившись отвратительным зудом. Гейрмунн по-прежнему держал руку

на столе, не поддаваясь желанию почесать рану. Он сидел, не шевелясь.

– Конунг, я давно знаю, что ты считаешь важнее всего.

Отец резко выдохнул и откинулся на спинку стула, качая головой.

– Твои слова и поступки свидетельствуют, что не напрасно ты родился младшим сыном. Как отцу, мне больно это говорить, но, как конунг, я обязан сказать. У тебя нет ни характера, ни мудрости, требуемых правителю, но сильнее всего меня страшит, что ты так и не обретишь этих качеств.

Вернулась мать. Вместе с нею вбежал ее верный пес Свангр. Глядя на могучего элкхунда, Гейрмунн вспомнил волков, с которыми ему и Хамунну совсем недавно пришлось сражаться. Только собачьи глаза, преданно глядящие на мать, показывали, что Свангр подчиняется людям.

Конунга посмотрела на мужа и сына.

– Вижу, вы так и не залатали свои разногласия.

– Как ни прискорбно, но не залатали, – ответил конунг, взглянув на Гейрмунна.

– Мне тоже жаль, – сказал Гейрмунн.

Свангр подбежал к подстилке Хамунна, понюхал его плечо и лег, протяжно заскулив.

– Он поправится, – сказала псу конунга. – Не тревожься.

Пес качнул мордой, затем устроился у постели Хамунна, как караульный у городских ворот. Конунга с улыбкой посмотрела на верного элкхунда.

– Стюрбьёрн ждет, – сказала она мужу.

– Уже поздно. Разве нельзя поговорить с ним завтра?

– Все зависит от того, в каком настроении ты его заставишь. – Конунг села напротив мужа. Гейрмунн оказался между отцом и матерью. – Если нужно, он обождет. Но он знает, что наши сыновья благополучно вернулись. Время еще не перевалило за полночь. Вряд ли он поймет твое нежелание говорить с ним.

Конунг нахмурился, затем кивнул:

– Ладно. – Он повернулся к Гейрмунну. – Ступай и пришли сюда Стюрбьёрна.

Гейрмунн поднялся со стула. Мать хотела взять его за руку, но не успела. Гейрмунн быстро покинул совещательную комнату, вернувшись в большой зал. Стюрбьёрна он застал на прежнем месте, только теперь ярл не стоял, а сидел на скамье вместе с зеленоглазой воительницей. Браги куда-то исчез. Увидев Гейрмунна, оба прекратили разговор. Гейрмунн, как мог, подавил неутихший гнев и учтиво сообщил ярлу:

– Отец согласен тебя принять.

Стюрбьёрн допил из рога остатки эля и встал. Был он высок и широкоплеч, но годы его полной силы остались позади.

– Твоему отцу повезло. Оба его сына живы, – сказал ярл.

Гейрмунн заподозрил в его словах скрытый смысл и даже оскорбление. Но где коренился этот смысл и в чем состояло оскорбление, не знал, а потому не мог дать должного ответа. Гейрмунн молча наклонил голову. Стюрбьёрн от-

правился в хорошо знакомую ему совещательную комнату. Гейрмунн смотрел ярлу вслед, сознавая, что даже в своем нынешнем состоянии Хамунн присутствовал там, куда его не позвали.

– А ты, значит, младший брат, – сказала воительница, глядя на него. – Гейрмунн Адская Шкура. – Она указала на освободившееся место. – Садись.

Невзирая на усталость, любопытство не позволило Гейрмунну сесть рядом. Он стоял, вместе с воительницей глядя на пищевой очаг, расположенный перпендикулярно длинному центральному очагу, обогревавшему зал.

– Тебя это раздражает? – спросила она.

– Что именно?

– Прозвище – Адская Шкура.

Гейрмунну не хватало терпения отвечать на подобные вопросы.

– Это прозвище отец дал нам обоим.

– Ты не ответил на вопрос.

Гейрмунн повернулся к ней. Воительница была старше его всего на несколько лет. От нее пахло дымом и морем, а в глазах было что-то знакомое. Что-то вроде родства, влекущего к ней.

– Кто ты? – спросил он.

Ее усмешка подсказывала: зеленоглазая воительница знала, что Гейрмунн уклонялся от ответа на ее вопрос, и решила не настаивать.

– Меня зовут Эйвор.

– Рад знакомству с тобой, – сказал Гейрмунн, склоняя голову. – Не знал, что у Стюрбьёрна есть дочь.

– Я не его дочь, хотя одиннадцать последних лет он растил меня, как своего ребенка.

– Тебе повезло. А где же твой настоящий отец?

Эйвор отвернулась и стала изучать взглядом зал. Гейрмунн подумал, что своим вопросом обидел ее.

– Прости мою напористость. Я устал и плохо соображаю. Можешь не отвечать, если...

– Мой отец мертв, и это не тайна. – Она невесело улыбнулась. – Кое-кто здесь наверняка знал моего отца. Возможно, эгдир, с которым ты пришел.

– Стейнольфур? А ему откуда знать твоего отца?

Эйвор надолго припала к рогу с элем.

– Потому что моего отца убил не кто иной, как Хьётве, правитель эгдиров.

Гейрмунн проглотил ком в горле, потеряв дар речи.

– Хьётве явился в отцовскую усадьбу, чтобы убить гостившего у нас Стюрбьёрна. Это ему не удалось, а отца он убил.

– Как звали твоего отца?

Эйвор хмуро посмотрела в рог с элем и покачала головой:

– Не имеет значения. Он умер как трус.

Гейрмунна ошеломили искренние и в то же время оскорбительные слова Эйвор о своем отце.

– Ты говоришь очень вольно.

– Я говорю правду, – возразила она. – Есть разница между болтливым и честным языком. Я выношу только один из них.

Гейрмунн задумался над ее словами и вдруг понял, почему она показалась ему знакомой. Как и у него, рунный камень ее жизни был проклятым местом, кишачим призраками. И от прошлого, вырезанного на этом камне, ей было не убежать. Искренность Эйвор воодушевила его.

– Меня раздражает, – сказал он.

– Что именно?

– Когда меня называют Адской Шкурой.

– Тогда я не буду тебя так называть, – сказала Эйвор, подавая ему рог с элем.

Гейрмунн принял рог и отпил эля.

– Может, тогда ты скажешь правду и о том, почему ты здесь?

Усадьба Стюрбьёрна в Ставангере находилась на другой стороне Бокнафьорда, а его земли занимали изрядную часть южной оконечности Ругаланна на границе с Агдиром. Ярл вполне мог считать себя конунгом Ругаланна, но его мнение не подкреплялось ни силой, ни властью. С незапамятных времен Ругаланн принадлежал тому, кто властвовал над проливом Кармсунн. Нынче это был отец Гейрмунна.

– Стюрбьёрн хочет поговорить с твоим отцом о Харальде.

– Каком Харальде?

– Правителе Согна.

Гейрмунн кивнул. Согн находился к северу от Ругаланна,

на другой стороне Хурдаланна. Ходили слухи, что между Харальдом из Согна и Эйриком – правителем Хурдаланна возник спор чести, создавший напряженность на границе.

– При чем тут Харальд? – задал новый вопрос Гейрмунн.

– Стюрбьёрн ему не доверяет. Слишком много воинов отправились в Англию. Хурдаланн ослаблен. Агдир тоже. Стюрбьёрн считает: надо что-то делать и как можно скорее, пока аппетиты Харальда не стали безудержными.

– Ты не считаешь, что такие дела разбираются на Гулатинге?⁵

– Гулатинг у Харальда в руках.

Гейрмунн вновь отхлебнул из рога.

– В таком случае речь идет о войне.

– Естественно, – пожала плечами Эйвор.

Легкость, с какой она говорила о подобных вещах, сочеталась с ее воинским одеянием. Судя по кожаным доспехам и кольчуге, Эйвор сражалась часто, и некоторые бои были тяжелыми.

– Сдается мне, что ты успела побывать во многих битвах, – сказал Гейрмунн.

Эйвор повернулась к нему и стала разглядывать так, словно собиралась купить. Она придирчиво осматривала его лицо, ладони, костяшки пальцев и раненую руку.

– А мне сдается, что твои битвы можно пересчитать по пальцам, но тебе хочется повоевать.

---

⁵ *Гулатинг* – древненорвежский прообраз апелляционного суда.

– Твой язык остается честным, – сказал Гейрмунн.

– Как твои успехи в набегах? Отец наверняка дал тебе корабль и людей.

Гейрмунн не ответил, но его молчание было красноречивее слов. Эйвор недоуменно посмотрела на него, взяла рог и допила остатки эля. Воцарилось молчание. От жара пищевого очага и запаха медленно подгорающих свиных костей у Гейрмунна закружилась голова. Он почувствовал усталость. Эйвор он видел впервые. Вдобавок она была приемной дочерью отцовского соперника. Но что-то в ее облике и поведении подсказывало Гейрмунну: ей можно доверять. Он хотел ей доверять, как бы безрассудно это ни звучало.

– Нет у меня корабля, – наконец признался Гейрмунн. – Я вошел в зрелый возраст, но отец не дает мне даже плохонького суденышка.

Эйвор молча слушала его.

Гейрмунн подался вперед, и вдруг что-то впилося ему в бедро. Он хотел посмотреть, потом вспомнил: это волчий клык, брошенный в сумку, висящую на боку.

– Здесь нет ни земли, ни дичи, чтобы прокормить каждое брюхо, – шепотом произнес он.

– О чем ты?

– Да так. Просто кое-кто считает меня дураком, спасавшим жизнь брата. Может, и ты согласишься. Может, я и впрямь дурак. Но если и я заговорю честным языком, то скажу: меня в Авальсснесе ничего не держит.

– Тогда ты должен отправиться в другие края, – сказала Эйвор. – Почему у тебя нет корабля?

Гейрмунн смотрел на языки пламени и угли очага.

– Отец не верит, что набегам можно построить крепкое конунгство. Он говорит, нельзя строить королевство только на краденом золоте и серебре. Потому-то он и укрепляет Ругаланн и Авальсснес через союзы и торговлю. Он много торгует с землей франков, знает, как обстоят там дела. Франки строят королевства без набегов и разбоя.

Эйвор хмыкнула:

– У франков это называется войной.

– Знаю.

От дыма очага жгло в глазах, и они слезились. Гейрмунн зажмурился, но заслониться от жжения в груди не мог.

– Не важно, как это называется.

Он почувствовал, что Эйвор встала. Тогда он открыл глаза. Эйвор стояла и смотрела на него. Ее взгляд потеплел, и в нем появилось сочувствие.

– Мы со Стюрбьёрном отплывем с утренним приливом. Устала я за долгий день. Пойду поищу место для сна. Но мне было приятно поговорить с тобой, Гейрмунн. Знай: хотя я и говорю правду, я не выбалтываю то, что другие поверяют мне в откровенном разговоре.

– Спасибо. – Гейрмунн наклонил голову. – Мне тоже было приятно говорить с тобой, Эйвор. Я попрошу богов даровать вам со Стюрбьёрном безопасное плавание.

Эйвор сделала шаг, потом остановилась, обернулась:

– Если и впрямь тебя ничего здесь не держит, непременно отправляйся в другие края.

Дружески улыбнувшись, она ушла. Гейрмунн смотрел ей вслед, пока она не исчезла в толпе гостей.

Пора было подумать и о собственном ночлеге. Но тут перед ним выросли Стейнольфур и Шальги.

– Как все прошло? – спросил Стейнольфур.

Он обглаживал потемневшую свиную кость.

– Как ты и ожидал. Но я не настроен об этом говорить, – ответил Гейрмунн.

– Не буду досаждать. Нам уйти?

– Погодите. – Гейрмунн понизил голос. – Мне нужна твоя помощь. Собери людей.

Здоровый глаз Шальги немного округлился, но парень промолчал. Стейнольфур швырнул кость на пол, где ее тут же нашел какой-то пес.

– Каких людей? – спросил Стейнольфур.

– Тех, кто способен грести на веслах и сражаться. Тех, кто ради серебра покинет моего отца и Авальсснес.

– Таких людей полным-полно, – усмехнулся Стейнольфур. – Но зачем тебе клятвопреступники? Тебе нужны свободные люди, которые добровольно отправятся с тобой и не предадут тебя.

– Можешь найти этих людей? – спросил Гейрмунн, хотя Стейнольфур давно намекал, что готов их собрать, если ему

понадобится команда. – Так, чтобы заполнить корабль?

Стейнольфур взглянул на Шальги. Парень смотрел на них, улыбаясь во весь рот. Страх перемежался у него с радостным возбуждением, словно он давно этого ждал.

– Мне понадобится время, – сказал клятвенник. – Но людей мы соберем.

– Собирай, но тихо, – попросил Гейрмунн.

– Так у тебя есть корабль? – удивился Шальги.

– Пока нет. Но будет, – пообещал Гейрмунн.

Рана на руке Гейрмунна полностью зажила, как и плечо брата, хотя тот выздоравливал медленнее.

Наступила зима, а с нею и всегдашние бури. Большинство кораблей пережидали зиму в бухтах. Лишь немногие отваживались, наравне с китами, плавать по свирепым волнам. Путников, прибывающих в Авальсснес, поуменьшилось, равно как и гостей в усадьбе Хьёра. Меж тем Стейнольфур, не теряя времени, набирал людей, готовых принести клятву на верность Гейрмунну и отплыть с ним летом, если к лету у младшего сына конунга появится корабль.

Пока что корабля не было.

Гейрмунн собрал все имевшиеся средства, но их не хватало на покупку или постройку корабля, даже если бы ему удалось проделать это втайне от отца, в чем он сильно сомневался. Несколько раз Гейрмунн подумывал обратиться за помощью к матери. У нее имелось серебро и золото. Может, она поддержит сыновние устремления? В этом Гейрмунн тоже сомневался. Оставался Хамунн, однако Гейрмунну не хотелось раскрывать брату свои замыслы. Пусть Хамунн окончательно поправится. Так Гейрмунн говорил Стейнольфуру и Шальги, умалчивая о другом, в чем пока не признавался даже себе. Прежде он безоговорочно доверял брату. И вдруг доверие пошатнулось.

Началось это с волчьих шкур.

Хамунн прилюдно подарил их отцу, сказав, что одержал победу над волками в честь конунга Хьёра. О том, что нескольких волков убил Гейрмунн и что эти шкуры сдирал не он, а младший брат, Хамунн в своей хвастливой речи умолчал. О замысленном обмане Гейрмунн узнал наравне со всеми. Гейрмунна это рассердило. Он промолчал, но с того дня усомнился в верности брата.

Когда тяжкое владычество зимы над морями и ветрами подошло к концу, корабли вновь поплыли, и Авальсснеса достигла весть о прибытии Гутрума. Датчанин собирался встретиться с Хьёром, призвав норвежцев примкнуть к флотилии Берси и отправиться на завоевание Англии. Гейрмунн расценил эту весть как сигнал: если он хочет заполучить корабль, надо действовать быстро. Он пригласил Хамунна порыбачить. Это была их первая вылазка после неудачной прошлогодней охоты.

Отправились недалеко: в западную часть острова. Леса там были пореже, а в бухтах кричали красноножки, снуг между скал и ухватывая длинными клювами рыбу. Добирались верхом. Всю дорогу братья молчали и продолжали безмолвствовать, когда остановились возле бухточки, удачно защищенной от морских волн несколькими островками. Вода здесь была синей и спокойной. Места эти славились обилием рыбы, однако к полудню на удочки братьев не попало ни одной рыбешки.

– Видно, Эгир сегодня против нас, – наконец нарушил молчание Хамунн.

За время болезни он заметно исхудал. Только недавно к его смуглой коже стал возвращаться прежний оттенок.

– Эгир, но не другие боги, – ответил Гейрмунн.

Удивленный ответом, Хамунн повернулся к брату.

– Море предлагает и другие возможности, – сказал Гейрмунн. – За морем есть богатства, которые могут стать нашими. Я говорю про Англию.

Хамунн отложил удочку. С севера вдруг подул ветер, пахнувший морской солью и несущий сказания о землях, где холод и лед властвовали постоянно.

– Что за странные слова? – спросил Хамунн.

– Слышал про датчанина по имени Гутрум?

– Конечно слышал. – В голосе брата ощущалось недоумение: как Гейрмунн мог подумать, что он не слышал про Гутрума. – При чем тут Гутрум?

Гейрмунн смотрел вдаль; туда, где за скалами островков плескались высокие морские волны, а дальше лежал безбрежный океан.

– А что, если нам уплыть вместе с ним?

Хамунн искоса посмотрел на Гейрмунна и улыбнулся, словно вдруг раскусил шутку. Но улыбка быстро погасла и не вернулась. Кажется, он понял, что брат не шутил.

– Плыть с флотилией Берси почетно, – продолжал Гейрмунн. – В Англии мы прославим наши имена, как когда-то

наш дед. Сыновья Хьёра и Льювины вернутся в Авальсснес, стяжав богатство и славу.

Северный ветер усилился и теперь гнал морские волны, нарушая спокойствие бухты. Он трепал волосы Хамунна, взлохмачивая косы. Хамунн взглянул на небо, где теснились облака. Присев на корточки, он стал вытаскивать лески удочек.

– Надо возвращаться, а то нас накроет бурей.

– Брат, послушай меня. – Гейрмунн перешагнул через камни, разделявшие их, и подошел к Хамунну. – Гутрум приедет в отцовскую усадьбу. Я собрал людей, готовых принести нам клятву на верность. Нужен лишь корабль, и тогда мы поплывем.

– Ты собрал людей? – Хамунн застыл с мокрой удочкой в руках. – Каких?

– Свободных. Они согласны на мои предложения.

Хамунн молча сматал оставшиеся удочки – ни одна не принесла улова. Затем встал.

– Что ты можешь им предложить?

– То же, что и тебе. То, что предлагают нам Гутрум и Берси. Земли саксов и их богатство.

– Вот только корабля у тебя нет. – Хамунн принялся смаывать удочки брата, чуть морщась от оставшейся боли в плече. – Теперь понятно, зачем ты позвал меня на рыбалку.

– Да, мне нужен корабль, – согласился Гейрмунн. – И твоя помощь в разговоре с отцом. Тебя он послушает.

– Значит, ты хочешь заполучить отцовский корабль и забрать с собой его людей? Людей из Ругаланна?

– Я же сказал: это вольные люди.

– И они готовы стать твоими клятвенниками?

– Да.

Ветер бушевал вовсю. Облака стремительно неслись по небу и быстро закрыли солнце. Смотав оставшиеся удочки, Хамунн поспешил к лошадям. Гейрмунн последовал за ним.

– Если ты поплывешь со мной, они станут и твоими клятвенниками, – сказал он брату.

Хамунн убрал удочки и, не сводя глаз с неба, отвязал от коренастой сосны лошадь, после чего забрался в седло.

– Если поскачем быстро, может, обгоним дождь. Но эта буря...

– Послушай, брат. – Гейрмунн ухватился за поводья лошади Хамунна. – Я чувствую: это моя судьба. Она меня зовет. Обещаешь мне помочь?

– Сделаю что смогу, – вскинул голову Хамунн.

– О большем не прошу, – сказал Гейрмунн.

Он вскочил в седло, и братья галопом понеслись домой, подгоняемые ветром и дождем. Буря нагнала их у самых ворот Авальсснеса.

Через шесть дней на длинной ладье, полной датчан, приплыл Гутрум.

Гости пировали в большом зале. Жарко пылал очаг. Мать

Гейрмунна, нарядившись в шелка из земли франков и надев золотые и серебряные украшения, подала медовуху. Первый рог она протянула мужу, второй – Гутруму. Датчанин, сидящий рядом с Хьёром, очень отличался от отца Гейрмунна и Хамунна. Пальцы Гутрума были унизаны кольцами и перстнями, тунику украшала вышивка, а на плечах лежала меховая накидка. Пояс туники переливался драгоценными камнями, несомненно добытыми в набегах. Ему было лет сорок или чуть больше. Судя по многочисленным шрамам, жизнь не была к нему милосердна. Гутрум все делал со страстью: ел, смеялся. Гейрмунн представил, какой грозой оборачивается его страсть во время битвы.

– Все рассказы о дружелюбной конунге Ругаланна оказались правдой, – говорил Гутрум. – Твоя красота и изящество, конунга Льювина, известны повсюду, хотя, как убеждаюсь, лучше один раз тебя увидеть.

– Благодарю тебя, ярл Гутрум, – ответила мать и поклонилась.

Гейрмунн знал: каждый мужчина, появлявшийся в замке Хьёра, считал себя обязанным высказать Льювине восхищение, хотя втайне им не нравился и вызывал недоверие цвет ее кожи, жесткость волос и разрез глаз. Но похвалы Гутрума казались искренними.

– Если все женщины Бьярмаланда столь же красивы, как ты, – продолжал датчанин, – странно, что твои сыновья до сих пор не поплыли туда за женами.

– А если ты, ярл Гутрум, льстишь женщинам в каждом усадебном доме, где бываешь, удивительно, что тебе по-прежнему нужны корабли, – засмеялась конунга.

– Так вам известно, зачем я приплыл? – с улыбкой спросил Гутрум.

– Конечно известно, – ответил конунг Хьёр. По тону чувствовалось, что он счел вопрос несколько оскорбительным. – Но говорить о делах мы будем не раньше, чем поедем.

Датчанин широким жестом обвел зал.

– Уверен, мужчинам и женщинам Ругаланна захочется узнать, с какими вестями я прибыл.

– Нет, – отрезал конунг. – Говорить мы будем наедине.

Датчанин поковырял в зубах, потом кивнул:

– Как пожелаешь.

Услышав о цели приезда Гутрума, Гейрмунн посмотрел на брата и едва заметно кивнул, напоминая Хамунну об их договоренности. Тот мельком взглянул на отца и ответил таким же кивком.

– Когда вторгнувшиеся в круг говорят, они меняют погоды оружия, – сказал скальд Браги, сидевший рядом с Гейрмунном.

Гейрмунн повернулся к старику. Четырнадцать лет назад, когда Браги впервые появился в усадьбе Хьёра, его борода уже была седой. Кое-кто принимал его слезящиеся глаза и рассеянную улыбку за признаки старческого слабоумия, но Гейрмунн знал: за эти годы острый ум скальда ничуть не по-

страдал, а глаза подмечали каждую мелочь. Он любил Браги и всегда благодарил богов за то, что этот человек живет в Авальсснесе.

– Какую погоду оружия ты предсказываешь? – негромко спросил у скальда Гейрмунн.

– Я не предсказатель. Но война чем-то схожа с крестьянским трудом. В преддверии зимы что конунг, что раб могут пожать лишь то, что посеяли весной.

– Не уверен, – возразил Гейрмунн. Он доел последний кусок свинины и ломтем ячменного хлеба подобрал остатки подливы на тарелке. У подливы был вкус орехов из темного подлеска. – Порою война является к конунгу без приглашения.

– Верно. – Браги глотнул эля. – Сорняки тоже являются без приглашения. Но заботливый крестьянин знает, как уберечь от них урожай.

– А что ты скажешь о наводнении? Или голоде?

– Сейчас ты говоришь о делах богов. О судьбе.

– Тогда ответь: как быть с судьбой?

– Трус убежден, что проживет вечно, если не ввяжется в бой, но перемирия со смертью не заключишь. – Браги положил руку Гейрмунну на плечо. – Если судьба нашла тебя, смело выходи навстречу. Это единственно правильный шаг.

Гейрмунн засмеялся. Пир за столом продолжался. Гости Авальсснеса отличались неукротимым аппетитом. Доски с угощением пустели, едва появлялись на столе. Эль и медо-

вуха текли не только в глотки, но и по бородам датчан. Наконец настало время для разговоров. Конунг встал из-за стола и направился в совещательную комнату. Вслед за ним пошла конунга, за нею – Гутрум и Хамунн. Гейрмунн хотел присоединиться к ним, однако Браги взял его за руку.

– В молодости я участвовал в таких делах, – сказал он, глядя вслед ушедшим.

Гейрмунн же только вступил в пору молодости, и младшему сыну конунга не терпелось оказаться в совещательной комнате.

– Хочешь, чтобы я попросил отца...

– Ой нет. – Браги отпустил его руку. – В молодости такие дела меня интересовали. А нынче уже нет.

Гейрмунн нахмурился:

– Тогда зачем ты меня...

– Хочу, чтобы ты встретился со мною возле погребального кургана твоего деда. Завтра, на восходе.

– Встретиться с тобой? – недоуменно покачал головой Гейрмунн. – Я что-то не понимаю.

– Сейчас поймешь. Я хочу поговорить с тобой, но не сейчас. Хочу отдать тебе кое-что, но не здесь. И сделать это я хочу перед курганом твоего деда, на восходе солнца.

Гейрмунн кивнул, по-прежнему ничего не поняв.

– Ну ладно. Я буду там.

– Вот и славно. А теперь иди, говори о погоде, – сказал скальд, отпуская Гейрмунна.

Слова Браги озадачили его, одновременно вызвав любопытство. Хмурясь, Гейрмунн прошел в совещательную комнату. Отец вполне мог выгнать его. Гейрмунн мысленно приготовил возражение, но оно не понадобилось. Когда он вошел, Гутрум уже говорил. Датчанин сидел на противоположном конце стола. Увидев Гейрмунна, Гутрум умолк.

– Извини, что помешал, – пробормотал Гейрмунн.

– Извинения излишни, – ответил Гутрум. – Пусть оба сына послушают то, что я намерен сказать.

Гейрмунн сел рядом с матерью, напротив брата. Отец попросил датчанина продолжать.

Гутрум по привычке потянулся за элем, но стол, накрытый полотняной скатертью, был пуст. Не смутившись, датчанин продолжил свою речь.

– Сдается мне, причина моего появления в ваших краях – отнюдь не тайна. Я хочу поговорить об Англии. Датчане вместе с небольшим отрядом норвежцев одержали внушительные победы над саксонцами в Нортумбрии. Хальфдан Рагнарсон укрепился в Йорвике, откуда стал завоевывать Восточную Англию. Вскоре он захватит Мерсию, и тогда у англичан останется только Уэссекс.

– Мы слышали известия об их победах, – ответил Хьёр.

– Но завоевать Мерсию и Уэссекс не так-то просто, – продолжал датчанин. – Уэссексом правит сильный король по имени Этельред. Потому-то мой конунг Берси и собирает флот, могущественнее которого еще не видели. Он поплы-

вет к датчанам, обосновавшимся в Йорвике. Совместными усилиями Берси и Хальфдан завоюют все саксонские земли, включая Уэссекс.

Гутрум посмотрел на Хамунна, затем на Гейрмунна.

– Воины Ругаланна, примкнувшие к нам, обретут славу, богатство и земли.

Гутрум назвал все то, чего жаждал Гейрмунн. Если власть над Авальсснесом перейдет к Хамунну, ему все равно придется искать себе владения в других краях, иначе он останется ни с чем. Но Гейрмунн знал: Гутруму потребуется не только он и его меч. От сына Хьёра будут ждать, что он прикнет к завоевателям, имея собственный корабль и верных людей, готовых сражаться. Гейрмунн не хотел говорить раньше времени и давать отцу повод прогнать его из совещательной комнаты. И потому он молчал и ждал.

– Мерсия и Уэссекс – сильные и богатые королевства. Я знаю, какие богатства ожидают победителей, – сказал конунг Хьёр. Взмахом руки он обвел комнату. – Эта усадьба построена на деньги, добытые в походах на восток. В набегах на Финляндию и Курляндию.

– Деяния Хальфа и его воинов известны повсюду, – подхватил Гутрум. – Заслуги твоего отца известны и датчанам.

Гейрмунна охватила гордость. Он выпрямился и поднял голову.

– Эти деяния совершались много лет назад, – продолжал конунг. – Тогда было другое время. Ты говоришь о большем,

нежели набег и богатства. Ты говоришь о коронах. Мы с тобой знаем: если каждое саксонское королевство падет к ногам Берси и Хальфдана, английские короны окажутся на головах датчан, но не норвежцев.

– Не торопись с выводами, конунг Хьёр. – Гутрум поднял руки, блеснув золотом колец на пальцах. – Берси и Хальфдан – люди чести. Они вознаграждают оставшихся в живых и чтут погибших в боях. Клянусь тебе: твои люди, примкнувшие к флотилии Берси, получают соразмерные доли богатства и земель.

– А если датчанам не удастся победить саксов Мерсии и Уэссекса? – спросил конунг. – Что останется побежденным? Грызться между собой за Нортумбрию и топи Восточной Англии?

– Твои сомнения оскорбляют всех датчан. – Гутрум стиснул зубы, но не позволил себе нахмуриться. – Мы обязательно победим саксов.

– Возможно, победите. – Конунг помолчал. – Допускаю, что так и будет. Но Ругаланн не пошлет с тобой ни кораблей, ни воинов. Они нужны здесь.

– Для чего? – Гутрум все-таки нахмурился, а его голос сделался резким. – Стеречь рыбу и овец? Или, быть может, охранять пристань, где ты обманываешь проходящие корабли, говоря, что они нуждаются в починке? Не думай, что твои уловки проходят незамеченными, – добавил гость, позволив себе ткнуть пальцем в сторону конунга.

Гейрмунн замер, ожидая отцовского ответа, но Гутруму ответил Хамунн.

– И ты не думай, ярл Гутрум, что твое неуважение осталось незамеченным. Не забывай: ты сейчас в гостях у моего отца.

– Это я помню, – возразил Гутрум. – Однако твой отец первый выказал неуважение к датчанам.

Трудно сказать, задела ли конунга Хьёра внезапная враждебность Гутрума. Он не изменился в лице. Голос его по-прежнему звучал спокойно.

– Ходят слухи, что Харальд Согнийский намерен двинуться войной на других правителей Северного Пути. Потому я и не откликаюсь на призыв примкнуть к флотилии Берси. Пока не минует опасность, нависшая над нашими землями, Ругаланн никуда не пошлет свои корабли и воинов.

– Да, конечно, – согласился Гутрум. – Конунг Харальд хотел бы завладеть Авальсснесом. И причины у него те же, что сделали могущественными твоих деда и отца. – Гутрум выгнул брови и смягчил тон, выказывая ложную заботливость. – Как тебе быть? Если твои земли в опасности, придется воевать с Харальдом. Ты должен напасть первым, пока Харальд еще не так силен, иначе ты рискуешь проиграть.

Возможно, Стюрбьёрн предлагал отцу схожую стратегию, но Гейрмунн в тот вечер был занят разговором с Эйвор. Он знал: отец никогда первым не нападет. Однако сейчас, слушая Гутрума, он вспомнил недавние слова Браги о полях и

сорняках. Вдруг датчанин прав?

– Как ты поступишь? – спросил Гутрум.

Ему ответила конунга:

– Не сочти мои слова оскорбительными, но зачем нам в таких делах слушать советы датчанина? Это не твои земли, не твои люди, и Харальд не твоя забота.

– Да, я – датчанин. – Гутрум встал, упираясь тяжелыми кулаками в стол. – Но мы, датчане, не изнежились в своих усадьбах. Нам знакома война. Когда умер конунг Хорик, вернулись старые свары и устремления. Немало крови тогда пролилось.

Воспоминания пробудили в Гутруме ярость. Его трясло, и он даже не пытался это скрыть.

– Вот уже пятнадцать лет, как я не знаю ничего, кроме войны, и потому я отправляюсь в Англию. Если мне суждено начать войну, я предпочту убивать саксов, а не датчан. Если мне суждено сражаться, я буду сражаться за земли и мир в надежде, что сумею захватить достаточно и у меня будет что оставить детям и внукам.

– Я восхищен твоими замыслами. – Конунг Хьёр встал и стоял неподвижно, словно древние столбы возле его усадьбы. – У меня схожие желания. Я тоже хочу оставить детям и внукам сильный и крепкий Ругаланн. И по этой причине я не отправлю с тобой свои корабли и воинов.

– А вдруг Харальд тебя победит? – спросил Гутрум. – Что ты оставишь детям, если у тебя отберут Авальсснес?

Гейрмунн ждал, что отец отринет саму возможность победы Харальда, однако конунг молчал. Может, между Авальс-снесом на севере и Стюрбьёрном на юге существовала договоренность? Гейрмунн взглянул на мать. Та смотрела на мужа и тоже ждала, когда он заговорит. Конунг молчал. Тогда она повернулась к Гутруму.

– Кажется, я достаточно ясно дала понять, что Харальд – не твоя забота и вообще не забота датчан.

– Плохую услугу вы оказываете вашим сыновьям, – сказал Гутрум.

– Что хорошо для моих сыновей – мне и решать! – прогремел конунг, у которого кончилось терпение. – Мне, а не безземельному датчанину, одержимому войной.

Гутрум ударил кулаком по столу. Гейрмунн инстинктивно вскочил на ноги, приготовившись к потасовке. Хамунн тоже встал. Поднялась и их мать, рука ее легла на рукоять кинжала, висящего на поясе. Но датчанин мгновенно пошел на попятную и поднял руки.

– Простите мою несдержанность, – сказал он. Лицо Гутрума покраснело, а сам он кусал губы. – Я приплыл сюда искать союзников, а не плодить новых врагов.

– Мы не враги датчанам, – сказала конунга. – И отказ в кораблях и людях не сделает нас врагами.

Гутрум опустил подбородок к груди, затем покачал головой:

– Как ни печально мне это говорить, конунга Льювина,

Берси может расценить это по-другому. Он сочтет ваш отказ оскорбительным. Надеюсь, вы успеете подготовиться к последствиям, имея Харальда на севере и Берси на юге.

Хамунн напрягся всем телом и стиснул кулаки. Гейрмунн видел, насколько брат разгневан словами датчанина. Удивительно, но сам Гейрмунн гнева не ощущал. Гутрум до сих пор не произнес ни одного лживого слова. Конунг Берси нуждался в кораблях, а Гутрум лишь выполнял приказы. Дай ему отец схожее задание относительно Ругаланна, он бы говорил так же, как датчанин. А если отец станет препятствовать его отплытию в Англию, это и впрямь будет плохой услугой.

– Ярл Гутрум, ты испытываешь пределы моего гостеприимства. – Конунг вновь говорил спокойно, однако его спокойствие напоминало безмятежность свернувшейся в клубок змеи. – Знает ли Берси, что ты угрожаешь его именем одному из правителей Северного Пути?

Гутрум засмеялся:

– Если тебе встретится путник на дороге и расскажет про опасность, ожидающую тебя впереди, угрожает ли он тебе этой опасностью? Разумеется, нет, ибо существует разница между предостережением и угрозой. Если бы мой конунг не доверял мне, он бы не послал меня сюда и не дал права говорить от его имени. Но я более не стану испытывать пределы твоего гостеприимства, конунг Хьёр. Я получил ответ, и, как вижу, ты от него не отступишь. Мы с моими людьми

переночуем на корабле, а утром покинем Авалёсснес.

– В каком направлении? – спросил Хамунн.

– А что? – усмехнулся датчанин. – Тебя тревожит, что я поплыву в Согн? Хочешь знать, откликнется ли Харальд на призыв конунга Берси? – Гутрум пощипал бороду, делая вид, будто размышляет. – Давай-ка пораскинем мозгами. Если Харальд примкнет к датчанам и отправит своих воинов в Англию, у него останется меньше людей для войны с Ругаланном. – Гутрум снова пощипал бороду. – Но если он отправит воинов в Англию, саксонские денежки позволят ему купить столько кораблей и нанять столько воинов, сколько ему понадобится для захвата всего Северного Пути.

– Хамунн спрашивает из-за приливов, и только, – пояснил конунг. – Ты должен плыть туда, куда велит твой конунг.

Гутрум наклонил голову, но в его жесте ощущалась насмешка.

– Золотые слова. – Он повернулся к Хамунну. – Знай, Адская Шкура: я поплыву на юг. Прежде чем появиться у вас, я побывал в Агдире. Хьётве, как и твой отец, опасается Харальда Согнийского. Бессмысленно отправляться в Хурдаланн, пока в норвежцах не пробудилось мужество отцов. А здесь я не вижу сыновей Хальфа.

Не дожидаясь ответов, Гутрум повернулся и вышел из совещательной комнаты. Хамунн последовал за ним. Вскоре голос Гутрума уже разносился по большому залу, созывая воинов на выход. Они не мешкали, поскольку Хамунн быст-

ро вернулся и кивком сообщил, что датчане ушли.

– Нужно ли нам послать караульных и проследить за их кораблем? – спросила конунга.

– Не больше двух, – ответил конунг, упираясь рукой в стол. – Для острастки. Больше не надо. Большой отряд разозлит его еще сильнее. И потом, я сомневаюсь, что он отважится на какие-то выходы.

– Хамунн, ты распорядишься? – спросила конунга.

Брат повернулся, приготовившись снова уйти.

– Хамунн, стой, – задержал его Гейрмунн, которому для осуществления задуманного требовалась поддержка брата.

Хамунн остановился, затем, вспомнив о намерениях Гейрмунна, негромко сказал:

– Нет, сейчас неподходящее время.

– Ты мне слово давал, – напомнил ему Гейрмунн.

– Неподходящее время для чего? – спросила конунга, подходя к сыновьям.

– Ничего особенного, – буркнул Хамунн, не сводя глаз с Гейрмунна. – Правда, брат?

В душе Гейрмунна разразилась буря, накатываясь на него волнами и ветрами сомнения. Но он не дрогнул. Он знал свои устремления и не стал отступать.

– Я отправлюсь с Гутрумом, – громко заявил Гейрмунн. – Я примкну к Берси и поплыву в Англию.

Хамунн закрыл глаза и ссутулился. Родители молча смотрели на младшего сына. Потом конунг покачал головой и по-

смотрел на жену, полуоткрыв от удивления рот.

– Никак меня подводит слух? – спросил он.

– Гейрмунн, – тихо, устало произнесла конунга. – Ты выпил слишком много эля. Давай отложим этот разговор до завтра.

– Я сегодня почти не пил, – возразил Гейрмунн. – Я отправлюсь в Англию, где завоюю саксонские земли для...

– Ты не отправишься никуда, – отрезал отец. – Только в постель, где самое место малолетним детям вроде тебя.

– Отец, я живу своим умом, и он не похож на твой. – Гейрмунн раскинул руки. – Ты знаешь, что я не предназначен для этого. Для меня здесь ничего нет. Ты не доверяешь мне никаких серьезных дел. Ты вообще не даешь мне заданий. Я ни за что не отвечаю.

– Я отдаю тебе приказы, которые ты способен выполнить, – сказал отец. – Хочешь большего – докажи, что способен на большее.

– Но я больше не хочу твоих приказов. Я больше не желаю ничего тебе доказывать. Вместо этого я намерен искать собственную судьбу.

– Как? – спросила мать.

– Мне нужен корабль. У меня есть люди, готовые принести клятву верности. Если ты дашь мне корабль, ни о чем другом я не попрошу.

Гейрмунн сглотнул ком в горле и посмотрел на брата. Хамунн глядел в пол.

– Хамунн поддерживает мой замысел. Быть может, он тоже решит плыть в Англию вместе со мной.

– Это правда? – спросил отец, поворачиваясь к Хамунну и глядя на него во все глаза.

Хамунн посмотрел на конунга, потом на Гейрмунна, после чего снова уткнулся в пол. Гейрмунн ощутил лед в груди.

– Я поддерживал Гейрмунна, – признался Хамунн. – Он заслуживает права искать свою судьбу. Отец, я знаю, Ругаланну нужны корабли и воины, но я думал, что мы могли бы дать ему корабль. – Он посмотрел на мать. – Но сегодня, после встречи с Гутрумом, я передумал. Этот датчанин оскорбил тебя, отец, и угрожал нашим владениям. Я бы не дал ни ему, ни остальным датчанам ничего ругаланнского, особенно служение моего брата.

Конунга со вздохом кивнула, безмолвно благодаря Хамунна.

– Ты мудр, Хамунн, – сказал сыну конунг. – Увы, того не скажешь о твоём брате. Гейрмунн, ты не получишь ни корабля, ни людей. Дело решено.

Нет, совсем не решено. Поначалу предательство брата настолько ошеломило Гейрмунна, что он застыл, не веря ушам. Потом в душе поднялся и забурился гнев. Гейрмунн чувствовал: если он сейчас же не покинет усадебный дом, дело кончится кровопролитием.

– Хамунн, ты – клятвопреступник, – произнес Гейрмунн и закричал: – Посмотри на меня, трус!

Хамунн вздрогнул и поднял голову.

– После всего, через что мы с тобой прошли. – Гейрмунн ткнул пальцем в сторону конунга и конунги. – После всего, что они сделали с нами, с тобой... ты поворачиваешься ко мне спиной и принимаешь их сторону?

– Брат, я...

– Не смей называть меня так. Ты мне больше не брат.

– Гейрмунн, ты не можешь говорить это всерьез, – воскликнула конунга.

– Представь себе, говорю, – возразил Гейрмунн, поворачиваясь к ней. – А ты никогда не была мне матерью.

Конунг негодуя взревел и бросился на Гейрмунна, намереваясь ударить его кулаком. Но Гейрмунн пригнулся, и кулак рассек воздух. Он мог бы нанести ответный удар, но вместо этого отступил. Мать заплакала, протягивая к нему дрожащие руки. Отец подошел к ней. Хамунн не шевельнулся. Ненависть в его глазах была сильнее недавней ненависти к Гутруму.

– Теперь я понимаю: к этому все и шло, – сказал Гейрмунн. – Каким же я был дураком, надеясь на другое. Судьба сделала меня сыном раба. Затем она же сделала меня младшим сыном конунга. Посмотрим, кем она меня сделает в Англии.

С этими словами Гейрмунн покинул совещательную комнату. Как и Гутрум, он не стал дожидаться ответа.

В густо-синих предрассветных сумерках Гейрмунн выехал из Авальсснеса на север, к погребальному кургану деда. На небе виднелись только самые яркие звезды – последнее, гаснущие угли Муспельхейма. Стейнольфур и Шальги настояли, что поедут с ним, но согласились остановиться, не доезжая кургана, и ждать его там, поскольку Браги хотел видеть только Гейрмунна.

Ехали молча. Да и о чем говорить после того, как Гейрмунн рассказал им о событиях минувшего вечера? Бессмысленно ворошить прошлое, которое перестало быть частью его судьбы. Стейнольфур выглядел спокойнее, чем прежде. То, чего он страшился, наконец произошло и закончилось. Гейрмунна удивило, что Шальги так близко принял к сердцу предательство Хамунна. Шальги был парнем покладистым и незлобивым, однако ругал Хамунна такими словами, какие прежде Гейрмунн от него не слышал. Правда, за ночь он несколько поостыл.

Стейнольфур посмотрел на восток, в сторону холмов на другом берегу Кармсунна.

– Если ты собираешься отплыть с Гутрумом, нам нужно к восходу солнца поспеть на причал.

– У нас нет корабля, – напомнил спутникам Гейрмунн. – Корабль Гутрума – наш единственный способ попасть в Ан-

глию.

– Тогда надо постараться, чтобы датчане не уплыли без нас.

– Люди, которых ты собрал, по-прежнему готовы плыть с нами?

– Ты сам сказал, что у нас нет корабля. А тут разнеслась весть, что конунгу нужен каждый ругаланнский воин.

– Значит, мы поплывем втроем.

– Есть соображения, что Браги хочет от тебя? – помолчав, спросил Стейнольфур.

– Нет. Он собирался мне что-то отдать.

– Станный он, этот Браги, – сказал Шальги.

– Он же скальд, – усмехнулся Стейнольфур. – Они все странные.

Через какое-то время всадники подъехали к гребню, где над водой высились курганы умерших конунгов, видимые любому кораблю, плывущему мимо. Возле кургана Хальфа горел огонь. Заметив его, спутники Гейрмунна остановились, а он поехал дальше. Подъехав к огню, он увидел Браги. Скальд сидел на земле возле жаровни, в которой перемигивались угли. Перед ним на плоском камне лежал хнефатафль⁶ с раскрашенными фигурками из камешков и кости. Браги жестом пригласил Гейрмунна сесть напротив.

– Прости, но мне сейчас не до игры. Время подпирает, –

---

⁶ *Хнефатафль* – скандинавская настольная игра, отдаленно напоминающая шахматы.

сказал Гейрмунн.

– Тогда я быстро тебя одолею. Садись.

Гейрмунн вздохнул, спешил и сел. Трава была холодной и мокрой от росы.

– На какой стороне хочешь играть? – спросил он скальда.

– Ты будешь конунгом, – подмигнул ему Браги.

– Ты думаешь о моем брате.

Гейрмунн сделал первый шаг, применив обманный маневр. Пусть скальд думает, что Гейрмунн собрался передвинуть своего конунга в нижний угол, тогда как на самом деле он нацеливался на правый верхний угол.

– Я не говорил, что ты станешь конунгом в Авальсснесе. – Браги сделал ответный шаг. Осторожный, и потому Гейрмунн не знал, попался ли скальд на его уловку. – Возможно, ты будешь королем саксов.

– С кем ты успел поговорить? – спросил Гейрмунн, подняв голову от доски.

– Ни с кем. Мы с тобой вчера потолковали, и я сразу спать пошел. Но ты, как я понимаю, решил плыть с Гутрумом?

Гейрмунн сделал второй, а затем третий ход, и каждый раз Браги размещал своих воинов так, словно знал его тайную стратегию. Чем дольше продолжалась игра, тем яснее становилось Гейрмунну, что он проиграет. Но его мысли были заняты вопросом, с детства не дававшим покоя. Он вдруг понял: другой возможности ему уже не представится.

– Браги, ты – прорицатель?

Ему показалось, что глаза скальда вспыхнули вместе с языками пламени в костре.

– Если ты спрашиваешь, говорят ли со мною боги и три Прядильщицы, отвечаю: нет, не говорят. Просто я давно живу на этом свете и научился распознавать погоду.

– И твоя долгая жизнь тебе помогает распознать исход игры в хнефатафль?

– Я обещал тебе короткую игру. – Браги передвинул своего воина, и конунг Гейрмунна вдруг оказался запертым с обеих сторон. – Если я правильно понимаю, из-за страха перед Харальдом твой отец отказал Гутруму в поддержке.

Как бы ни был Гейрмунн зол на отца, правда об испугавшемся конунге ему не понравилась, особенно в устах скальда, годного только на рассказывание историй. Охваченный досадой, Гейрмунн сделал поспешный и безрассудный шаг.

– У меня и в мыслях нет обидеть твоего отца или покушаться на его честь, – сказал Браги. – Хьёр не напрасно боится Харальда. И не он один. Но то, что он предпримет под воздействием страха, определит судьбу Ругаланна. – Скальд подвинул еще одного воина, закрыл конунгу Гейрмунна третий путь к отступлению. – Но мне не думается, что судьба Авальсснеса – это твоя судьба. Ты ведь отплываешь с датчанином?

Гейрмунн убрал своего воина, освобождая путь конунгу.

– Да, – коротко ответил он.

– Я это предвидел, потому и позвал тебя сюда.

Прежде чем сделать очередной ход, Браги оглянулся на погребальный курган. Над курганом висел тонкий слой тумана. Где-то поблизости каркал ворон.

– Много ли отец рассказывал тебе про своего отца?

– Очень мало, – признался Гейрмунн.

Браги кивнул:

– Меня это не удивляет. Твой отец и мне настрого запретил рассказывать историю Хальфа в усадьбном доме, который Хальф и построил. – Скальд глубоко втянул прохладный утренний воздух. – Но мы с тобой сейчас не в стенах усадьбы.

– Расскажи, – попросил Гейрмунн.

И Браги продолжил:

– Когда Хальф впервые вышел на морские дороги, он был моложе тебя. Сказания утверждают, что в свой отряд он набирал только тех, кому хватало силы поднять жернов от большой ручной мельницы. Еще говорят, будто он и его воины укоротили мечи, чтобы подбираться к врагам поближе. Когда их корабль попал в бурю и рисковал утонуть, воины Хальфа сражались за право спрыгнуть в воду ради спасения остальных.

– Это правда?

Браги улыбнулся:

– Правда, что Хальф и его люди были очень храбрыми. – Скальд достал из медвежьей шкуры нож в кожаных ножнах. – Еще говорили, что в своих набегах Хальф и его воины

никогда не убивали женщин и детей. А если кто-то из его воинов увозил себе женщину, твой дед заставлял этого воина жениться на ней и щедро одаривал избранницу.

Браги извлек нож. Гейрмунн удивился, увидев тонкое бронзовое лезвие. В остальном это был простой нож с деревянной рукояткой, оканчивающейся медной пяткой.

– Хальф совершал свои набеги восемнадцать лет подряд, стяжав немалые богатства. Его имя вызывало страх. В его отсутствие Ругаланном правил его отчим Осмунн. Когда Хальф вернулся насовсем и потребовал трон, Осмунн тепло встретил его и устроил пир в честь пасынка и его героев. Воины пировали до поздней ночи, распевая песни и рассказывая истории. А когда Хальф и его люди уснули, Осмунн подпер двери усадьбы снаружи и поджег строение.

– Что? Его отчим...

– Да. Осмунн убил твоего деда. Только двум воинам удалось спастись в ту кровавую ночь. Одного звали Утстейном, второго – Черной Скалой. Они собрали армию, убили Осмунна, отомстив за павшего конунга. Они же вернули Авальсснес юному Хьёру, сыну Хальфа.

Гейрмунн давно слышал о великом предательстве, приведшем к смерти деда, но подробностей не знал, а спрашивать у отца не решался. То была история, имеющая силу изменять представления человека о себе и представления других о нем. По этой причине конунг никогда ее не рассказывал. Лучше бы отец не делал из нее тайны, но жалеть об этом

было слишком поздно.

Браги убрал нож в ножны и протянул Гейрмунну:

– Это мой подарок тебе.

Гейрмунн удивленно воскликнул, попытавшись скрыть смущение.

– Я... тебе благодарен.

– И вовсе нет, – возразил Браги.

Гейрмунн посмотрел на доску, где воины скальда окружили его короля с трех сторон. Он понимал, что не вправе врать старику. Да и вряд ли кто-то врал Браги.

– Хороший нож.

– И тем не менее ты считаешь мой подарок заурядным.

– В общем-то... да.

– Конечно. Простой нож. И лезвие у него не стальное. Этот нож у меня давно. Я уже и не помню, сколько раз его точил. Еще вчера, на пиру, я резал им мясо. А сегодня дарю тебе, поскольку это простой нож.

– Мне непонятны твои слова.

– Когда покинешь отцовский дом, а у тебя нет иного выхода, увези с собой память о деде. Я его не знал, но на Ругаланне есть те, кто помнит его. Они видят, что ты очень похож на деда. – Браги потянулся через игральную доску и коснулся руки Гейрмунна. – Прежде чем войти в любую дверь, внимательно осмотришься и убедишься, что там, куда ты вошел, не засели враги. Во время битвы ножу не справиться ни с топором, ни с мечом. Но он становится смертельно опасным,

когда им ударяют из темного угла или, хуже того, когда им ударяет кто-то, близкий тебе, кому нельзя было доверять.

Гейрмунн сжал рукоятку ножа. Он начинал понимать слова скальда.

– Я благодарен тебе, Браги.

Скальд выпустил его руку и взглянул на хнефатафль.

– Моя очередь ходить.

– Я и так вижу, что победа за тобой.

– Я еще не выиграл, – возразил скальд. – Но я окончу игру и оставлю открытым путь твоему конунгу. Он сумеет выбраться и встретить свою судьбу. Одновременно это предотвратит кровавую вражду. Я предпочитаю никого не делать своим врагом.

Гейрмунн кивнул. Горизонт озарили первые лучи солнца, позолотив вершину кургана Хальфа. Стейнольфур будет беспокоиться, недоумевая, почему Гейрмунн тянет время, но прежде, чем ступить на корабль Гутрума, ему требовалось повидать еще одного человека.

Он встал, привязав нож скальда к поясу.

– Я часто думал, как сложилась бы моя жизнь, если бы ты не появился в отцовской усадьбе.

Браги пожал плечами:

– Нельзя отрицать вмешательства норн. Но я горд своей ролью в твоей судьбе.

– Меня печалит, что наши пути вряд ли пересекутся снова.

– Они не пересекутся. – Скальд встал, сгибаясь под тяжестью медвежьей шкуры. – Вскоре и я покину Ругаланн.

– И куда ты отправишься?

Браги посмотрел на восток.

– Чувствую, как дрожит Мировое Древо. Войны, что мы нынче ведем, это не только войны между норвежцами, датчанами и саксами, но и между богами. Я намерен вернуться в родные края, в Упсалу. К своим.

– Да защитят тебя боги в пути, – сказал Гейрмунн.

– Ту же молитву я вознесу за тебя.

Гейрмунн кивнул старику и пошел к лошади.

– Прими еще один совет, – сказал Браги.

– С радостью приму, – ответил Гейрмунн, забираясь в седло.

– Следи за морскими людьми. Хьёрлейф, отец Хальфа, однажды поймал в сеть морского человека и услышал от него пророчество, которое впоследствии спасло Хьёрлейфу жизнь.

В голове Гейрмунна кружились вопросы, но времени задавать их уже не было.

– Прощай, Браги Боддасон.

Вскоре Гейрмунн вернулся к ожидавшим спутникам, и все трое галопом поскакали на юг, к Авальсснесу. Они еще не достигли города, а солнце уже поднялось над горизонтом. Издали было видно, как на причале возле корабля Гутрума снуют люди.

– Ты все еще намерен ее повидать? – повернувшись к Гейрмунну, тихо спросил Стейнольфур.

Гейрмунн кивнул:

– Поезжайте и скажите Гутруму, что я скоро буду.

Стейнольфур открыл было рот, но возражать не стал.

– Передай ему, что я не задержусь.

– Ты уж постарайся. – Стейнольфур повернулся к Шальги. – Едем, парень.

Они пришпорили лошадей. Гейрмунн свернул с дороги на тропу, что вела на запад, к рощице у подножия травянистого холма. Подъехав к деревьям, он спешил и повел лошадь под уздцы. С каждым шагом ему все сильнее сводило живот. Может, в доме еще спят? Но вскоре его ноздри уловили запах дыма. Значит, кто-то успел проснуться и развести огонь в очаге.

Вскоре он увидел скромную хижину с крутой остроконечной крышей, покрытой мягким дерном. Гейрмунн ввел лошадь в пустую конюшню, примыкавшую к южной стороне дома, и привязал поводья к столбу. Из дому вышла Агада с мешком корма для кур. Не сразу узнав Гейрмунна, женщина испуганно подпрыгнула и выронила мешок, затем прижала руку к груди и виновато улыбнулась.

– Гейрмунн, несносный мальчишка, – прошептала она. – Напугал меня.

– Прости, – тоже шепотом ответил Гейрмунн. – А Лодхатт...

– Спит. – Агада подошла к Гейрмунну, перебросив через плечо тощую косу золотистых волос. – Лучше его не будить.

Гейрмунн не был здесь с прошлого года. Он приходил сюда незадолго до той судьбоносной охоты с Хамунном. Долгое отсутствие вызывало у него беспокойство, равно как и мысли навестить этот дом. Агада была в том же сарафане, что и в прошлый раз, только красный цвет ткани выцвел до коричневого. Но серебряная брошь – подарок Гейрмунна – ничуть не потускнела и все так же ярко блестела. Цвет глаз Агады был похож на цвет морских волн в бурю. Морщины вокруг них стали еще глубже.

Взяв Гейрмунна за руку, Агада отвела его подальше от дома.

– Здоров ли ты? Я слышала, ты был ранен.

– Был.

– Я сделала приношение Одину, прося о твоём выздоровлении.

– Я выздоровел.

– Тогда я сделаю еще одно приношение, в знак благодарности. – Она улыбнулась и разжала пальцы. – Что привело тебя сюда сегодня?

Гейрмунну стало неловко. Эта неловкость накатывала всякий раз, когда виделся с Агадой. Он терялся в словах и даже переставал понимать, зачем пришел. Он лишь знал, что так надо.

– Агада, я покидаю Авальсснес.

– Ой! – вскрикнула она, и жилы на ее тонкой шее напряглись. – И куда ты отправишься?

– Воевать с саксами.

– Ты? – Агада сглотнула ком в горле. – Значит, ты не скоро вернешься.

– Да. Я пришел проститься.

Она кивнула, плотно обхватив себя за плечи.

– Ты делаешь мне честь.

– Нет, Агада, – возразил Гейрмунн, подходя к ней. – Это ты делаешь мне честь.

В глазах женщины блеснули слезы.

– Хамунн отправится с тобой?

– Нет.

Гейрмунн не помнил, когда Агада в последний раз видела его брата. Счет шел на годы. У него не было ни времени, ни желания отягощать ее всей правдой своих изменившихся отношений с братом.

– Хамунн останется здесь, – просто сказал он, – с конунгом Хьёром.

– И с матерью, – добавила Агада.

– Да, и с конунгой, – помешкав, подтвердил Гейрмунн.

– Так и должно быть. – Агада качнула головой, смахивая слезы. – Когда ты уезжаешь.

– Сегодня утром.

– Так рано?

– Все решилось минувшим вечером. – Объяснять причи-

ну поспешного отъезда ему тоже не хотелось. Вместо этого Гейрмунн махнул в сторону конюшни. – Я оставляю тебе свою лошадь.

– Что? – У Агады округлились глаза. – Гейрмунн, я не могу принять...

– Можешь. Жеребца зовут Гармр, но, невзирая на имя, нрав у него покладистый. Если он тебе не понадобится, продашь. И еще. – Гейрмунн достал из-за пояса мешочек с серебряными монетами и вложил в ладони Агады. – Возьми.

Агада замотала головой, пытаясь оттолкнуть подарок.

– Гейрмунн, я не хочу...

– Бери. Пожалуйста, возьми. Жаль, что мне больше нечем тебя одарить. За то, как моя мать обошлась с тобой, ты заслуживаешь гораздо большего.

– Она не... – Агада отстранилась, оставив деньги в руках Гейрмунна, и оправила сарафан. – Все давно решилось. Конунга загладила свою вину.

Но не всякую несправедливость, не всякую душевную рану можно исправить мерой серебра и золота, какую бы цену ни назначали за них на альтинге.

– Тогда прими это как мои подарки, – сказал Гейрмунн. – Серебро и Гармр не исправят случившегося. Они – знак моего уважения и благодарности тебе как моей первой матери.

– Гейрмунн! – Агада оглянулась по сторонам, словно желала удостовериться, что их не подслушивают. – Ты не должен так говорить.

– Я говорю то, о чем давно собирался сказать, – возразил Гейрмунн, хотя слова пришли на ум только сейчас. – Агада, тебя никто не обязывал возиться с нами, как со своими детьми. – Он махнул в сторону дома. – Лодхатт отказался, и я его не виню. Но ты не отказалась, и благодаря тебе я стал таким, какой есть.

Агада склонила голову и молчала, словно взвешивая следующие слова.

– Когда я вижу тебя, то чувствую гордость. Такую же, как за родного сына.

К глазам Гейрмунна подступили слезы. Он вдруг понял, что пришел не только говорить, но и слушать.

– Я и дальше дам тебе повод гордиться мною.

– Знаю, что так и будет.

Гейрмунн снова предложил ей мешочек с серебром. На этот раз Агада взяла подарок.

– Да хранят тебя боги, – сказала она.

– И тебя, Агада.

Повернувшись, Гейрмунн быстро пошел по лесной тропе. Когда хижина скрылась из виду, он бросился бежать, желая поскорее добраться до корабля Гутрума. Однако на самом деле стук сапог и удары сердца помогали оттолкнуть волны горя и душевной боли, угрожавшие поглотить его. Ветер осушал глаза. Чем быстрее и неистовее бежал Гейрмунн, тем больше роздыхов становилось между ним и всем, что было прежде. Сейчас Гейрмунна волновало лишь то, что ожидало

впереди.

Довольно скоро он достиг пристани. Корабль Гутрума еще стоял на якоре, но готовился поднять паруса. Стейнольфур и Шальги успели отвести лошадей в конюшню и теперь ждали на пристани. Рядом лежали тяжелые мешки с их пожитками. Стейнольфур держал в руках знакомый меч.

Сапоги Гейрмунна гулко застучали по причальным доскам.

– Никак здесь побывал Хамунн? – спросил он.

– Да. И просил отдать тебе меч.

Гейрмунн взял меч. Поведение брата не особо его удивило. Должно быть, Хамунн устыдился вчерашнего предательства и попытался хоть как-то загладить вину. Тот же стыд побудил брата не дожидаться Гейрмунна, а передать оружие Стейнольфуру.

– Он еще что-то говорил? – спросил Гейрмунн.

– Нет. Скорее всего, забыл. Но если представить себя на его месте... можно сказать, он знает, что ты сумеешь накормить этот меч лучше, чем он.

Дождись его Хамунн и предложил меч сам, Гейрмунн отказался бы от подарка, ибо никакой меч не мог стереть предательство, совершенное братом. Но поскольку Хамунн передал оружие Стейнольфуру, Гейрмунн счел глупым оставлять меч на пристани. Тем более что он завидовал брату и мечтал о таком мече с тех самых пор, как отец подарил его

Хамунну.

– Отличное оружие, – восхищенно сказал Шальги.

– Конунговское, – добавил Стейнольфур.

Гейрмунн взглянул на парня:

– По-моему, и тебе пора обзавестись собственным мечом.

Он снял с пояса свой меч, обыкновенный, но из хорошей стали, и протянул Шальги.

– Этот меч уступает мечу Хамунна. Но мне он служил достойно. Послужит и тебе, если попросишь Стейнольфура поучить тебя обращаться с ним.

Немногие молодые воины отправлялись в первый поход с собственным мечом. Шальги принял оружие с почтением, словно оно было из чистого золота.

– Спасибо, Гейрмунн, – пробормотал парень.

Стейнольфур улыбнулся краешком рта и одобрительно кивнул Гейрмунну:

– Адская Шкура!

Гейрмунн повернулся к кораблю. На палубе стоял Гутрум. За его спиной датчане поднимали мачту, готовясь поставить на место.

– Слышал, ты хочешь плыть со мной, – сказал Гутрум.

Гейрмунн подошел ближе, однако ступить на борт не торопился.

– Да, ярл Гутрум, хочу.

– Признаюсь, я удивлен видеть тебя здесь после оскорбления, которое мне нанес твой отец, – сказал Гутрум.

– Я – не мой отец, – ответил Гейрмунн. – И я не стану извиняться за него.

– Правильно. Никто не должен извиняться за другого. Каждому надлежит самому отвечать за свои поступки и заботиться о своей чести. – Гутрум кивнул в сторону Стейнольфура и Шальги. – Но ты явился ко мне без корабля, привел с собой лишь клятвенника да мальчишку.

– У нас есть мечи. И они будут сражаться на твоей стороне.

– Ты умеешь владеть мечом? – спросил датчанин, покосившись на меч Хамунна.

– Я обучался этому, но еще не убил ни одного врага. Этого достаточно?

– Достаточно, – пожал плечами Гутрум. – Но прежде чем ты станешь убивать врагов, тебе придется посидеть на весах. И не сделай ошибки, Адская Шкура. Пусть ты и внук Хальфа, ты не будешь командовать датчанами, пока не докажешь свою воинскую пригодность.

– Другого я и не ожидаю, – сказал Гейрмунн. – Но и ты не сделай ошибки, ярл Гутрум. Однажды даже ты устроишься воинов, которые пришли со мной.

– Жду этого дня, как камень мха, – засмеялся датчанин и махнул всем троим, чтобы поднимались на корабль.

Гейрмунн прыгнул первым, за ним последовали Стейнольфур и Шальги. Они быстро нашли места на палубе, ближе к носу корабля. Гейрмунн насчитал шестнадцать весел по

каждому борту. Гребцы уже сидели на сундучках, готовые взмахнуть веслами по приказу капитана. Рулевой занял место у руля. Его окружала дюжина воинов, готовых сменить товарищей, когда те сделают тысячу взмахов. Впередсмотрящий обосновался на носу. Вскоре Гутрум подал сигнал отчаливать.

Капитан встал у мачты. Воины, исполнявшие обязанности матросов, разбрелись по кораблю. Одни отвязывали снасти из китовых шкур, другие длинными шестами отталкивались от причала. Гребцы опустили весла в воду и, подчиняясь приказам капитана, стали отгребать на открытое пространство пролива, где вода перехлестывала через тонкую обшивку корабля.

Двигаясь на запад, а затем на юг, судно огибало мыс, на котором стоял усадебный дом конунга Хьёра. Наверное, отсюда видели уплывающий корабль, но Гейрмунн впервые в жизни ощутил, что его ничего не связывает с этим местом. Он чувствовал себя свободным.

Гутрум плеснул в воду дорогого вина – приношение Ран, у которой он попросил даровать им благополучное плавание. Потом встал рядом Гейрмунном.

– Если захочешь помахать своим на прощание, я не стану насмехаться, – сказал он.

– Еще как станешь, – возразил Стейнольфур, улыбаясь датчанину. – И я вместе с тобой.

Гейрмунн засмеялся и промолчал. Он не стал махать, а

простился мысленно, закрыв дверь, которая вряд ли откроется снова. Авальсснес остался за спиной. С запада и востока тянулись берега Кармсунна. Гейрмунн ощущал себя запертым с трех сторон и потому сосредоточился на единственном направлении, остававшимся свободным. Вскоре капитан приказал поднять парус. С севера дул попутный ветер. Гребцы вытащили из воды весла, и корабль, набирая скорость, заскользил на юг.

Часть вторая

Плавание

7

Богиня Ран даровала им спокойное море. От Ругаланна до Ютландии корабль доплыл, не встречая бурь. Попутный ветер исправно надувал парус, и Гейрмунн всего несколько раз посидел на веслах. Правда, этого хватило, чтобы содрать кожу на ладонях и заработать боль в руках, плечах и спине от перенапряженных мышц. Когда Гейрмунн пожаловался Стейнольфуру, тот сказал, что он еще не нюхал настоящей свирепой бури и не знает, каково видеть, когда гребца, сидевшего впереди тебя, смыло за борт. Волны превращаются в горы, которые обрушиваются на корабли, трепля и терзая их, словно мокрые тряпки.

Корабль Гутрума назывался «Волнолюбец». Было у него и второе, непристойное название. Все зависело от настроения пловших людей и характера дочерей Ран. На Гейрмунна датчане поглядывали с подозрением. Он постоянно ловил на себе настороженные взгляды. С ним они почти не разговаривали, но постепенно Гейрмунн сумел узнать имена некоторых из них.

Капитаном на корабле был некто Рек. Его череп перечеркивал шрам, уродуя лоб. Казалось, кто-то пытался снести ему полбашки, но не сумел. Гейрмунна он невзлюбил с первого взгляда, осыпая бранью и придираясь, когда тот садился на весла. И не только. Рек срывался всякий раз, стоило Гейрмунну попасться ему на глаза. Необъяснимая ненависть вспыхивала у капитана мгновенно. На корабле плыл и брат Река – могучий, широкоплечий великан Эскил, отличавшийся более спокойным нравом. Был он гребцом. Остальные гребцы относились к нему с почтением. Гейрмунн часто ловил на себе взгляд Эскила, но не в пример товарищам гребец не отворачивался, а кивал ему.

На четвертый день плавания они прибыли в городок Рибе на западном берегу Ютландии, где стоял флот из двухсот кораблей, а может, и того больше. Вдоль всего побережья приливы неумоимо гнали волны с мелководья на берег, поросший травой и камышом. Их сменяли отливы. Вода отступала, оставляя каналы и обнажая обширные пространства песка и ила. Гейрмунн такое видел впервые. Гутрум сказал, что им придется не менее трех дней плыть по этой илистой жиже, пока не доберутся до Фрисландии.

Сразу подойти к берегу было невозможно. Пришлось остановиться на некотором расстоянии и дожидаться вечернего прилива, который понесет корабль к суше, и там он встанет на якорь вместе с остальными судами. Когда прилив отступит, «Волнолюбец» разделит участь собратьев, на-

поминая кита, выброшенного на берег.

Спускались по шатким сходням, гнущимся под тяжестью шагов. Затем пробирались через комья водорослей, раскиданных по мокрому песку. В водорослях поблескивали раковины морских обитателей и копошились крабы. По берегу расхаживали горделивые белые аисты. Птицы кормились добычей, которую они вытаскивали из ила длинными клювами и подбрасывали в воздух. Ветер пах рыбой и солью. После нескольких дней, проведенных на качающемся корабле, суша, казалось, сопротивлялась ногам.

– Как по-твоему, сколько мы тут проторчим? – спросил Шальги.

– Пока не соберутся все ярлы, которых ждут, – ответил Стейнольфур. – В любом случае датчане будут дожидаться попутных ветров.

Шальги оглянулся на корабли:

– Так сейчас ветер что ни на есть попутный.

– Если плыть на юг, да, – сказал Гейрмунн. – Но мы поплывем отсюда на запад.

Они миновали границу прилива. Песок под ногами делался все суше. Вскоре ноги уже вязли в нем. Вокруг тянулись песчаные дюны. Пройдя еще немного, Гейрмунн со спутниками поднялись на невысокий, поросший травой холм. Там на огромном пространстве простирался лагерь, устроенный воинами с кораблей. Казалось, лагерь тянется до самого горизонта. Шум, доносившийся оттуда, напоминал раскаты да-

лекого, неумолчного грома.

– Есть на что посмотреть, – сказал Шальги.

– Адская Шкура! – слышалось сзади.

Гейрмунн обернулся. Его подзывал поднявшийся на холм Гутрум.

– Идем со мной.

Гейрмунн кивнул. Прежде чем уйти, он велел Стейнольфуру найти место для ночлега вблизи людей Гутрума, но как можно дальше от воды, чтобы, если ночью разразится буря, им не пришлось просыпаться в море. Отдав распоряжения, он последовал за Гутрумом. Датчанин шагал по подобию широкой улицы, что тянулась через лагерь, ведя к центру. Стучали молоты в походных кузницах. Рядом, в шатрах и под открытым небом, трудились ремесленники по дереву и коже, швецы и ткачи. Мясники разделявали туши. В кострах пылал огонь. Чем дальше они шли, тем сильнее лагерь пах жизнью и ее отбросами. Этот бурлящий город был куда больше Авальсснеса.

Среди встречавшихся воинов было много женщин. Гейрмунн вглядывался в их лица – не покажется ли Эйвор. Видя Гутрума, воины приветственно наклоняли головы. На Гейрмунна и они, и ремесленники в шатрах поглядывали с любопытством. Гутрум это заметил.

– Таких уродливых лиц они еще не видели, – признался он Гейрмунну.

– Значит, они не видели Река? – тут же спросил Гейрмунн.

Смех датчанина был похож на резкий звук козьего рога.

– Я бы попридержал язык. Рек может тебя услышать. А тебе с ним еще плыть и плыть.

Этого Гейрмунн и боялся.

– Я понимаю, отчего на тебя пялятся, – продолжал датчанин. – Ты совсем не похож на норвежца.

– Мне уже так говорили.

– А Хьёр и вправду твой отец?

Бесцеремонность вопроса помешала Гейрмунну ответить сразу. Ошеломленный, он замедлил шаг и почти остановился посреди лагерной дороги.

– Может, ты уже сидел в материнском чреве, когда она покидала Бьярмаланд? – не уговонялся Гутрум.

Теперь Гейрмунн полностью остановился. Рука едва удержалась, чтобы не схватиться за рукоять меча.

– Ярл Гутрум, немедленно возьми свои слова обратно.

Датчанин остановился, выпрямившись во весь рост.

– Ты так думаешь? – спросил он, склоняя голову набок.

– Да, я так думаю. Если уж тебе надобно, оскорбляй меня. Но оскорблять мою мать я не позволю.

Напряжение миновало. Гутрум кивнул:

– Согласен. Но что скажешь об отце?

– Он – мой отец. – Гейрмунн пошел дальше. В воздухе густо пахло навозом. Видно, где-то поблизости стоял загон со скотом. – Всем известно, что мы с братом родились через год после приезда матери в Авальсснес. Никто в этом не со-

мневается.

Похоже, датчанин согласился с его словами.

– Странно, что, сбежав подобным образом из родного дома, ты по-прежнему зовешь Хьёра отцом. Он по-прежнему твой конунг?

Этот вопрос Гейрмунн себе не задавал; во всяком случае, не такими словами.

– Не знаю, – сказал он.

– Твой поступок требовал мужества, – сказал Гутрум. – Прийти ко мне, как попрошайка. Без корабля, без воинов.

– Я не попрошайничал, – напомнил Гейрмунн.

– Я не намереваюсь тебя оскорбить. Я же сказал, что восхищаюсь твоим мужеством. Но мужество и честь – не одно и то же. Даже предатели и клятвопреступники способны проявлять мужество. Я лишь раздумываю о том, куда направлена твоя верность.

– Что ж, это честно. – Гейрмунн заметил вдалеке большой шатер и решил, что Гутрум ведет его туда. – Но и я скажу, что верность и честь – не всегда одно и то же. Бывают мгновенья, когда ради чести жертвуешь верностью.

Датчанин нахмурился, будто не соглашаясь со словами Гейрмунна.

– Возможно, – сказал он.

– Но тебе я поклялся своей честью, – добавил Гейрмунн. Гутрум смерил его взглядом, котом кивнул.

– Тебе предстоит встреча с моим конунгом Берси, – сказал

он, указывая на большой шатер. – Пока не спросят, рта не раскрывай.

– Понял, господин.

Вход в шатер охраняли двое воинов в кольчугах. Каждый был вооружен копьем, мечом и топором. Увидев Гутрума, они склонили головы, но не сдвинулись с места, преграждая вход.

– Кто это с тобой, ярл Гутрум? – спросил один.

Второй пристально следил за Гейрмунном, держа оружие наготове.

– Это Гейрмунн Хьёрссон. Сын конунга Ругаланна, – ответил Гутрум.

Стражники переглянулись, затем отошли, освободив проход.

Гейрмунн вошел вслед за Гутрумом. Внутри шатра царил сумрак. Посередине, в очаге пылал огонь. Сизый дым лениво поднимался к остроконечному потолку шатра, где и клубился. Гейрмунн увидел шпалеры и ковры из далеких Серкланда и Тюркланда. Складные деревянные ширмы, украшенные резьбой, отделяли главное помещение от других, поменьше. Возле очага сидело и стояло с полдюжины людей. Некоторые – с позолоченными рогами для эля. меховые одежды и кольца на пальцах подсказывали, что все они – ярлы.

– Гутрум! – зычно воскликнул один.

Он направился к Гутруму, крепко пожимая тому руки. Человек был рыжебородым, краснощеким и громогласным.

Чувствовалось, что в шатре он главный. Он был выше Гутрума и многих других датчан. Он не отличался быстротой и проворством бойца. От этого человека исходило ощущение силы и властности. Гейрмунн сразу понял, что перед ним – сам Берси.

– Благодарю Одина за твое благополучное возвращение, – сказал датский конунг. – Сколько кораблей пришли с тобой из Северного Пути?

– Увы, ни одного, – склонил голову Гутрум.

– Ни одного?

– Норвежцы поглощены собственными бедами. В каждой усадьбе, где я побывал, только и разговоров о войне с Харальдом Согнийским.

– Тем более у них есть причина примкнуть к нам и искать новые земли.

– Я приводил им этот довод, но убедить не сумел. За одним исключением.

Гутрум указал на Гейрмунна.

– Это сын Хьёра Хальфссона и Льювины.

– Один из Адских Шкур? – Берси взглянул на Гейрмунна и широко улыбнулся, показав дырку на месте двух передних зубов. – Как тебя зовут?

– Гейрмунн.

– Сколько воинов ты привез с собой, Гейрмунн Хьёрссон?

Гейрмунн ответил не сразу. Сначала взглянул на Гутрума, потом сказал:

– Двоих.

– Полтора, – поправил Гутрум.

Улыбка Берси исчезла в бороде. Глаза конунга сощурились.

– Чтобы примкнуть к тебе, я пошел против отцовской воли, – добавил Гейрмунн. – Поэтому я ничего и никого у него не просил.

Собравшиеся ярлы стояли молча и неподвижно, как зимние сосны. Берси оглядел Гейрмунна с ног до головы.

– Но, как вижу, он дал тебе прекрасный меч, – наконец изрек конунг.

Гейрмунн счел благоразумным не поправлять конунга.

– Этот меч хочет испить саксонской крови.

– Он напьется ею вдоволь, – пообещал Берси, снова улыбаясь. – Он будет купаться в саксонской крови, если пожелает.

Датский конунг повернулся к ярлам:

– Гутрум вернулся, а значит, мы можем готовиться к отплытию.

Берси прошел к трону на возвышении и сел. Трон закрипел под тяжестью его тела.

– Хальфдан нынче движется из Мерсии к месту, называемому Редингум. Это на реке Темза. Наши корабли войдут в нее и поднимутся до Редингума. Если боги благоволят нам, Хальфдан возьмет крепость саксов еще до нашего подхода. Но на реке наши корабли будут уязвимы. Осберн, что слыши-

но от твоих людей в Танете и Лунданоборге? – спросил конунг у пожилого седовласого ярла с коротким саксонским мечом у пояса.

Пока ярл отвечал, Гутрум наклонился к Гейрмунну:

– Мои люди расположатся в юго-западном углу лагеря. Пойди разыщи их. Поешь, потом отдохай.

Гейрмунну хотелось подробнее узнать о том, что ждет впереди, но он послушно кивнул и покинул шатер.

Солнце уже село. На лагерь опустились сумерки, кое-где разгоняемые светом костров и факелов. Гейрмунн пустился в обратный путь. Отовсюду слышались крики пирующих воинов, жаждущих войны и захватов.

На краю лагеря глазам Гейрмунна вновь открылось мелководное илистое море с темными «кочками» застывших кораблей. Он свернул на юг, обходя скопления шатров. У костров сидели воины. Гейрмунн всматривался в их лица, выискивая приплывших с Гутрумом. Наконец он заметил Эскила у небольшого костра. Вместе с ним сидело с пару дюжин датчан.

Гейрмунн подошел к нему, спросив, не видел ли он Стейнольфура. Эскил кивнул и молча указал на юго-восток. Гейрмунн поблагодарил его и пошел искать клятвенника.

– Эй, Адская Шкура! – донеслось из круга сидящих возле костра.

Гейрмунн обернулся. Этот грубый голос был ему хорошо знаком.

– Чего тебе, Рек?

Капитан корабля встал, покачиваясь от выпитого эля.

– Ответь-ка мне на вопрос. Мужчины из народа твоей матери – бойцы?

– Откуда мне знать? – вопросом ответил Гейрмунн. – Я не бывал на Бьярмаланде.

Рек обошел сидящих у костра датчан и приблизился к Гейрмунну:

– Я вот все думаю, что ты за птица. Норвежцем тебя не назовешь. Это ясно, как день.

– Довольно, брат, – слышался у Гейрмунна за спиной голос Эскила.

Но Рек не унимался.

– Довольно будет тогда, когда я удовлетворюсь, брат.

– Чем удовлетворишься? – спросил Гейрмунн, не собираясь отступать и уступать.

Рек встал лицом к лицу, глядя в глаза. От капитана густо разило элем. За спиной потрескивал костер.

– Удовлетворюсь проверкой того, чего ты стоишь, полукровка.

Несколько датчан вскочили на ноги, приготовившись к дальнейшему развитию событий. Но Гейрмунн знал, что будет дальше. Такое уже случалось с ним, и не раз.

– Намереваешься испытать меня? – спросил он, в ушах гулко стучал гнев. – Потому что я...

– Эй, Рек! – В круге появился Стейнольфур и встал, вы-

тянув руки. – А меня проверить не желаешь?

– Довольно, – раздраженно повторил Эскил, подходя к ним. – Садитесь по местам, – велел он, сердито глядя на соплеменников.

Воины нехотя вернулись к кострам. И как простой гребец мог обладать такой властью? Гейрмунн не впервые задавался этим вопросом. Сам он, Эскил, Рек и Стейнольфур все еще стояли. Все тот же северный ветер, что пригнал корабль Гутрума в Ютландию, резвился над лагерем, поднимая искры в костре и раздувая угли.

– Ты, Адская Шкура, – дурное знамение, – заявил Рек. Из круга воинов донеслись одобрителные возгласы. – Я бы от тебя избавился.

Стейнольфур подошел ближе и остановился, скрестив руки и заслоня собой Гейрмунна.

– Он и впрямь станет для тебя дурным знамением, если ты и дальше будешь говорить в том же духе. А избавиться от тебя – мне раз плюнуть.

– А он что, не умеет говорить за себя? – ехидно спросил Рек. – Или всегда прячется за своим...

– Хватит! – рявкнул Эскил.

Рек вздрогнул:

– Брат, я только...

– Ты перебрал эля, – сказал ему Эскил. – Отправляйся в шатер, пока еще способен его найти.

Кто-то из датчан засмеялся. Рек побагровел и посмотрел

на Гейрмунна так, словно был готов убить голыми руками. Капитана трясло от гнева. И тем не менее Рек повернулся и побрел в сгущающуюся темноту. Эскил молча покачал головой и вернулся на свое место, оставив Гейрмунна выдерживать угрюмые взгляды датчан.

Стейнольфур оглядел собравшихся.

– Идем, – сказал он Гейрмунну. – А то наш парень уже ломает голову, не зная, где мы застряли.

Однако Гейрмунн по-прежнему горел желанием с кем-то сразиться, словно был вооружен копьями и стрелами, которым требовалась новая цель. Он снова посмотрел на Эскила. Гребец сидел, уставившись на огонь. Гейрмунн обвел взглядом других датчан – не найдется ли еще желающий проверить его силу? Убедившись, что таковых нет, Гейрмунн выругался и пошел вслед за Стейнольфуром. Тот повел его мимо шатров и кожаных спальных мешков к зарослям крушины.

– Постарайся какое-то время не попадаться Реку на глаза, – посоветовал Стейнольфур. – Как и все мореходы, он ищет знамения и всегда находит.

– Как я могу не попадаться ему на глаза? – удивился Гейрмунн. – Он же капитан.

– На «Волнолюбце» – да. Но я тут поговорил с датчанами. Рек – искусный мореход, однако все знают, что его брат – более искусный воин. На море Эскил смиренно гребет вместе с остальными, зато на суше он – второй человек после

Гутрума.

Они подошли к костерку, возле которого взад-вперед расхаживал обеспокоенный Шальги.

– Кто второй человек после Гутрума? – спросил парень.

– Это многое объясняет, – сказал Гейрмунн. Он вспомнил, с каким почтением относились к Эскилу гребцы. И даже Рек, как ни был зол, не посмел перечить брату. – Сколько воинов под началом у Гутрума?

– Я слышал, у него сорок кораблей. – Стейнольфур устроился у огня, велел и Шальги сесть. – Не мельтеши, парень. Не будоражь меня.

Шальги заморгал, но закрыл рот и сел. Гейрмунн тоже сел. Стейнольфур достал еду из провиантских запасов: несколько ломтиков солонины, зачерствевший ржаной хлеб, твердый сыр и сушеные фрукты. За едой Стейнольфур продолжил разговор.

– Большинство кораблей Гутрума – такие же корыта, как «Волнолюбец». Но есть и быстроходные, где по шестьдесят весел.

Гейрмунн прикинул число воинов, способных поместиться на большинстве кораблей.

– Стало быть, армия Гутрума насчитывает не менее двух тысяч.

– Похоже, что так. А почему ты спрашиваешь?

– Пытаюсь понять его положение среди других ярлов и относительно Берси.

– Хочешь убедиться, что поклялся в верности правильно-
му датчанину? – усмехнулся Стейнольфур, подкинув в ко-
стер сушняка.

– Гутрум – правильный датчанин, – сказал Гейрмунн. По-
чему? Этого он объяснить не мог. Он лишь знал, что на ко-
рабль Гутрума его привела судьба. – Надо выспаться, пока
время позволяет. Думаю, скоро мы поплывем дальше.

Они развернули два спальных мешка из моржовых шкур:
один для Гейрмунна, второй – для Стейнольфура и Шальги.
Впрочем, каждый мешок шился достаточно просторным и
вмещал двоих взрослых. Сушняка в окрестностях лагеря бы-
ло не так уж много, однако Шальги побросал в костер оста-
ток их запаса и полез в спальный мешок.

– Учти, парень: не вздумай портить воздух. Потерпишь до
утра, – сказал Стейнольфур.

Он лег на спину, закрыл глаза и сложил руки на груди.

Гейрмунн улыбнулся Шальги, показывая: теперь он зна-
ет, кого винить, если воздух вдруг перестанет пахнуть мо-
рем. Он тоже залез в спальный мешок, но сон не шел. Гейр-
мунн смотрел на звезды и вспоминал слова Браги о войне
между людьми и богами. Он представил, что будет со звезда-
ми, когда наступит последний бой и решится судьба Одина,
Тора и остальных асов и ванов. Наверное, звезды погаснут,
как задутые лампы. Небо превратится в разверзнутую без-
дну. Возникнет новый Гиннунгагап, куда все упадет. Гейр-
мунн плавал в этих мыслях и уже начал погружаться в сон,

когда Шальги шепотом позвал его.

– Чего тебе? – спросил он парня.

– Почему мы воюем с саксами? – спросил Шальги. – Это кровная вражда?

Гейрмунн вздохнул:

– Можно сказать и так. Саксы убивали крестьян и все их семьи. Датчане всего лишь пытаются обосноваться на новых землях и жить в мире.

– А почему саксы убивали датчан?

– Потому что датчане убивали саксов, – проворчал Стейнольфур, разбуженный разговором. – Да, парень, это кровная вражда. Ни одна сторона не признает, что первой ее начала. Если хочешь, можешь думать об этом всю ночь, только закрой рот и дай нам поспать.

Шальги умолк.

Гейрмунн закрыл глаза. С берега дул холодный ветер, но в мешке из моржовой шкуры было тепло. Спал он крепко, хотя тело помнило качку предыдущих нескольких ночей. Гейрмунну снилось, что он плывет по морю.

Весь следующий день, а потом и еще два дня они учили Шальги владеть новым мечом. При всей худобе у парня были сильные руки и ноги. Уроки Стейнольфура он схватывал на лету и вскоре мог атаковать со стремительностью ястреба. Датчан в эти дни они почти не видели, а потому новых стычек с Реком у Гейрмунна не было. Но он знал: это

лишь отсрочка. Капитан все равно до него доберется. Просить Гутрума переместить их на другой корабль он не соби-
рался. Гейрмунн почти его не видел. Гутрум не вылезал из
шатра, где совещался с Берси и ярлами. Каждый день при-
лив приносил к берегу по несколько запоздавших кораблей с
воинами на борту, но это было равнозначно несколькими яч-
менным колоскам, добавленным к громадному полю.

На четвертый день их пребывания в Рибе Гейрмунн по-
шел по лагерю искать, не продаст ли кто щитов. Из Авальс-
снаса отплывали в спешке, и тогда было не до щитов. Все
утро прошло у Гейрмунна в бесцельных хождениях по гро-
мадному, хаотичному лагерю. Только к полудню он набрел
на фриза, готового продать щиты.

Щиты, которыми торговал фриз, были не новыми, но
крепкими, сделанными из ели. Кожа, обтягивающая ободья,
тоже была прочной, а железные планки – очищенными от
ржавчины и смазанными. Гейрмунн ожидал, что за щиты
придется платить втридорога, однако фриз, похоже, не соби-
рался плыть с Берси. Он хотел лишь поскорее продать свое
имущество, пока корабли еще стояли на якоре. Гейрмунну
удалось купить три щита за две марки серебра.

Возвращаясь туда, где разместились воины ярла Гутрума,
Гейрмунн прошел мимо нескольких шатров, где женщины
предлагали себя меньше чем за марку серебра. Одна помахав
ему, зазывая в шатер. Ее светлые волосы и румяные щеки
манили отведать любовных утех. Но Гейрмунн нес три щи-

та: на спине и в каждой руке. К тому же при нем было достаточно серебра, которое мог украсть кто-то из дружков престлестницы. Благоразумие заставило Гейрмунна не рисковать и вернуться к своим.

На другой день они со Стейнольфуром учили Шальги стоять в ряду, сомкнув щиты. Урок пришлось быстро свернуть. По лагерю разнеслась весть, что флот готовится к отплытию. Вскоре появился Гутрум, от которого пахло медовухой. Датчанин велел сделать приношение богам и грузиться на корабли. Вторжение в Англию из разговоров становилось реальностью.

Первые два дня флот плыл по спокойному морю, а на третий с севера неожиданно-негаданно налетела буря. Воюющие ветры и свирепые волны раскидали в разные стороны корабли Гутрума, вынуждая каждый в одиночку бороться за выживание корабля и команды. Поражение в этой битве означало смерть. Чтобы у «Волнолюбца» не сорвало парус, Рек приказал его снять. Каждый воин должен был отсидеть свою тысячу взмахов на веслах.

Гейрмунн греб, затем брал ведро и вычерпывал воду, после чего снова садился на весла. И так – пока руки и ноги не превратились в подобие мокрого, ни на что не годного камыша. Ветер швырял в лицо дождевые струи попеременно с волнами, мешая видеть. Плотная облачность не позволяла определить время, а сама буря казалась бесконечной. Вскоре Гейрмунн погрузился в ритм весельных взмахов и уже не знал, сколько часов или дней прошло с начала этого ада.

«Волнолюбец» был сделан на совесть. Корабль имел высокую осадку, будь то на гребне волны или в самой ее низине, где темно, как ночью, пока тебя снова не вынесет на поверхность. Но случались мгновенья, когда волны изгибали корабль, и его нос с ахтерштевнем начинали смотреть в разные стороны. От этих изгибов лопалась обшивка и внутрь хлестала вода. Узнав, что Стейнольфур плавал по морю и кое-что

смыслил в кораблях, Гутрум поручил ему заделывать пробоины просмоленной шерстью. Шальги помогал Стейнольфуру. Вскоре парень так наострился, что Стейнольфур целиком перепоручил ему это дело, а сам вернулся к веслам и вычерпыванию воды. Но противостоять морской стихии было бесполезно: едва Шальги затыкал одну пробоину, рядом появлялись две новые.

Гейрмунн вместе с Гутрумом вычерпывали воду, когда к ним подошел Рек и закричал:

– Эгир и Ран хотят нас потопить! Они желают нашей смерти!

– Плюнь на них! – засмеялся Гутрум. – С нами Один!

– Захочет ли Один спасти корабль, на котором плывет исчадие ада? – спросил Рек, глядя на Гейрмунна.

Казалось, вопрос поменял направление ветра. Гейрмунн видел, как сомнение сделало пробоину в обшивке мужества Гутрума, и эта трещина мгновенно прошла по всем воинам на корабле.

– Послушайте! Мы принесем Адскую Шкуру в жертву Эгиру! – заявил Рек. – Пусть йотунн его забирает.

– Нет! – Бросив весло, Стейнольфур по качающейся палубе поспешил на выручку Гейрмунну. – Вначале тебе придется убить меня. Клянусь, я заберу с собою и твоих датчан! И начну с труса! – добавил Стейнольфур, указав на Река.

К ним подбежали Эскил и Шальги. Гейрмунну не требовалось быть прорицателем, чтобы знать, чем это кончится.

– Брат, прекрати! – крикнул Эскил.

– Нет! – Рек выпучил глаза. – Здесь я отдаю приказы! – крикнул он, ударяя себя в грудь.

– А я думаю, здесь приказы отдает ярл! – возразил Стейнольфур, однако Гейрмунн прекрасно понимал, что датчане заодно с Реком.

Гутрум посмотрел на Гейрмунна. Вода стекала со лба ярла. Гейрмунн понял, как надо поступить. Ярл боялся бури и не хотел настраивать против себя людей. Он не станет перечить капитану. Если начнется потасовка, Стейнольфур и Шальги погибнут, пусть даже и сумеют убить нескольких датчан. Тех было в десять раз больше. В этот миг Гейрмунн решил, что должен предотвратить побоище единственным возможным способом.

– Прощай, мой друг, – сказал он и прыгнул за борт.

Море тут же сжало его ледяной хваткой, но вскоре он погрузился под воду, и стало тихо. Буря вернулась через мгновение, когда он вынырнул на поверхность. Стейнольфур выкрикивал его имя и тянулся к нему, перегнувшись через борт. Если бы не Эскил, он бы сам прыгнул в воду, чтобы спасти Гейрмунна.

Быстрое течение относило Гейрмунна от корабля. В какой-то миг он едва не схватился за весло, подчинившись инстинкту выживания, но тут же себя одернул. Еще через мгновение весло и сам корабль уже были вне досягаемости.

Совсем не такую судьбу представлял себе Гейрмунн, по-

кидая отцовскую усадьбу.

Но это была его судьба.

Корабль Гутрума еще не успел скрыться из виду, когда тяжесть доспехов и намокшей одежды потянули Гейрмунна вниз. Он наглотался морской воды, проникшей в ноздри. Он кашлял и отплевывался, но сил бороться с морем не было. Но даже если бы и были, какая разница? Никто не вправе оспаривать решение трех Прядильщиц.

«Если судьба нашла тебя, смело выходи ей навстречу. Это единственно правильный шаг».

На него снизошло спокойствие. Приятие предначертанного. Гейрмунн вытащил нож – единственное оружие, с которым воину надлежит встретить смерть. Он перестал сопротивляться, сделал последний вдох и отдался на волю морской стихии. Его потянуло вниз, вниз, вниз, в темноту и бесконечную бездну водного Гиннунгагапа. Туда, где нет волн, куда не проникает буря. Там Эгир холодной железной хваткой сокрушает всех, будь то норвежец, датчанин или сакс.

Гейрмунн задерживал дыхание. Его бездумное тело по-прежнему цеплялось за жизнь. Но вскоре у него не будет выбора. Морская толща давила на голову, набиваясь в уши. Жжение в легких вскоре разошлось по всему телу. Каждый мускул и сустав жаждали воздуха. Когда Гейрмунн открыл глаза, в ледяной тьме он увидел плавающие вокруг искры, похожие на угли Муспельхейма.

Одна искра оставалась неподвижной. Это зернышко света

под ним становилось все ярче и крупнее. Должно быть, Ран явилась посмотреть, как он тонет, и потребовать приношения. Гейрмунн закрыл глаза, однако свет не исчезал, оставаясь достаточно ярким и окрашивая все в красные тона. Он дрожал от гула, сотрясавшего кости. Когда удерживать дыхание стало невмоготу, Гейрмунн открыл рот и впустил в себя море. Лед и соль холодным огнем обожгли легкие. Он старался не сопротивляться, однако руки и ноги не слушались. Гейрмунн затрясся всем телом перед морским богом. Свет усилился и теперь обжигал, ослеплял и, словно раскаленный прут, проникал из разума в мысли, пока в мозгу Гейрмунна не осталось ничего.

Свет исчез. Какое-то время Гейрмунн ничего не видел. Снова открыв глаза, он обнаружил, что лежит посреди огромной усадьбы, крыша и стены которой уходили в темноту и не позволяли судить о размерах. Кажется, он был здесь один. У Гейрмунна болело все тело, словно вода не оставила живого места. Гейрмунн медленно сел, вспоминая предшествующие события. Только что он тонул, погружаясь на дно, однако сейчас его одежда была не промокшей насквозь, а лишь влажной. Нож непонятным образом вернулся в ножны на поясе.

Кровать, на которой лежал Гейрмунн, была стальная, с углублениями, соразмерно его телу. Таких кроватей он никогда не видел и не слышал об их существовании. Зачем неведомому кузнецу понадобилось тратить столько хороше-

го металла на сущую безделицу? Стены и пол вокруг кровати были высечены из цельной скалы и отполированы до блеска. Гейрмунну показалось, что зал, куда он попал, замурован где-то в недрах горы. Должно быть, он угодил в жилище бога или йотунна.

Гейрмунн решил, что умер, но оказался не на Валгалле. Рядом – никого из воинов. Ноздри не улавливали запаха пиршественного угощения, а уши – звуков боя. Гейрмунн сознавал: то, как он сражался и погиб с одним лишь ножом в руке, вряд ли понравится Одину. А может, эти сумрачные чертоги принадлежали богине Хель? Судя по царившему холоду, здесь обитали мертвые. Но в таком случае почему на всем громадном пространстве нет никого, кроме него? Если же усадьба не принадлежала ни Одину, ни Хель, значит он попал во владения богини Ран. Однако здешние стены противоречили сказаниям о ее коралловых пещерах. Теряясь в догадках, куда же он попал, Гейрмунн решил отправиться на поиски хозяина.

Встав с металлической кровати, Гейрмунн с удивлением почувствовал, что стоит на достаточно твердых ногах. Боль и слабость в теле ослабевали. Правда, он всегда думал, что мертвые не чувствуют боли. Должно быть, эти ощущения – остатки воспоминаний о смерти.

Вглядевшись в сумрачную даль, Гейрмунн заметил очертания прохода и двинулся туда. Подойдя ближе, он увидел остроконечную арку высотой в три человеческих роста –

причем намного выше среднего – и шириною чуть больше его вытянутых в стороны рук. За аркой тянулся длинный проход, в конце которого мерцал яркий свет.

Миновав часть прохода, Гейрмунн увидел, что полированный камень закончился. Дальше стены и потолок были сделаны не то из хрусталя, не то из стекла. По мнению Гейрмунна, только бог мог позволить себе израсходовать такое количество драгоценного материала для облицовки прохода и придать ему столь совершенный вид. Восхищаясь искусным ремеслом, Гейрмунн убедился, что стены прозрачны, а то, что он вначале принял за темные пятна внутри стекла, находится снаружи. Он вернулся на середину прохода, задрал голову и снова открыл рот в изумлении.

Он стоял под водой. Под морской толщей. Ран забрала его в свой мир. Значит, он по-прежнему жив.

За прозрачной стеной простиралась черная бездна, в которой мелькали огромные, едва различимые тени. На морском дне виднелись очертания каменных столбов или обломков древесных стволов. И где-то в этой бездне таился змей Ёрмунганд, дожидаясь пробуждения и поднятия из глубин.

– Да хранит меня Тор, – прошептал Гейрмунн, но его шепот гулким эхом отразился от стен.

Он оторвался от созерцания бездны и вновь посмотрел на яркий свет, мерцавший в конце прохода. Теперь Гейрмунн шел туда с некоторой опаской. Ведь он не утонул, а значит, по-прежнему может умереть. Меч остался на корабле Гутру-

ма. Бронзовый нож, подаренный Браги, – единственное его оружие. Добравшись до конца прохода, Гейрмунн вытащил нож и заглянул во второе помещение.

По размерам оно уступало первому, но было сделано из такого же камня. Стены и пол украшали затейливые узоры с вкраплениями серебряной инкрустации. Возле одной стены стоял алтарь, окруженный покровом света, который раскачивался, словно шпалера на ветру. За световым покровом, на алтаре, лежал золотой браслет. Он блестел, призывая Гейрмунна подойти ближе. Гейрмунн вошел, но остановился в нескольких шагах от алтаря, опасаясь дотронуться до сокровища неведомого бога.

– Если хочешь, возьми его.

Гейрмунн испуганно вскрикнул и обернулся.

Этот громкий, сильный голос, казалось, исходил отовсюду. Озираясь в поисках источника, Гейрмунн заметил в углу человека. Тот был выше его на целых два локтя. От незнакомца исходило неяркое свечение, похожее на свет луны. Он был одет в тунику из тонкого полотна или шелка, поверх которой блестел металлический нагрудник. Голову украшал серебряный шлем. Гейрмунн не сомневался, что перед ним – бог, но кланяться не торопился. Вначале надо узнать, какой это бог.

– Ты Эгир? – спросил Гейрмунн.

– Я известен под многими именами, но ты можешь звать меня Вёлундом.

Гейрмунн слышал сказания о человеке по имени Вёлунд. Тот не был богом, но общался с богами и королями, поскольку был на редкость искусным и даровитым кузнецом, а сделанные им вещи вызывали всеобщую зависть.

– Что это за место? – задал новый вопрос Гейрмунн, по-прежнему сжимая нож в руке.

– Мой дом. Моя кузница, – ответил Вёлунд.

– Так мы сейчас под толщей моря? – глядя в потолок, спросил Гейрмунн.

– Да. В далекие времена почти все северные земли были покрыты ледяными горами. Тогда это место находилось на суше. Твои предки охотились здесь на могучих туров и собирали пропитание в лесах. Потом лед стал таять, а море – подниматься. Леса и моя кузница оказались под водой, а твои предки переселились на новые земли.

Ледяные горы и потопа существовали только в сказаниях. Бури – отца Бора и деда Одина – извлекла из инея корова Аудумла, когда отступали льды Нифльхейма. Потомки Бури убили йотунна Имира и из его трупa построили мир.

– Как я здесь оказался? – спросил Гейрмунн.

– Ты тонул, и я тебя позвал, – объяснил Вёлунд.

Он подошел ближе. Гейрмунн заметил, что смотрит сквозь кузнеца и видит стену у того за спиной. Его пробрал холод.

Гейрмунн поднял нож и попятился, бормоча:

– Ты не человек.

– Да, я – не человек, – согласился Вёлунд.

– Ты живой?

– Был когда-то.

– Если ты не живой, тогда кто ты?

– Считаю меня воспоминанием, – подумав, ответил кузнец.

– Чьим воспоминанием?

– Богов.

Гейрмунн почувствовал, что теряет ясность рассудка. Жив ли он на самом деле? Где находится? Не сон ли все это?

– Я живой? – спросил он.

– Да, ты живой.

– Почему?

– Хочешь знать, почему ты живой?

– Нет. Почему ты меня спас? В бурях тонет много кораблей. Их команды гибнут и идут ко дну. – Гейрмунн огляделся по сторонам. – Похоже, я – единственный, кого ты позвал в свою усадьбу. Вот я и спрашиваю: почему ты спас только меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.